

Хроники

ЕХО

МАКС ФРАМ

ВОРОНА
НА МОСТУ

История, рассказанная

сэртом Муррфором Локни-Локни

Handwritten text in a red book held by the character.

Хроники Ехо

Макс Фрай

Ворона на мосту

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Фрай М.

Ворона на мосту / М. Фрай — «Издательство АСТ»,
2006 — (Хроники Ехо)

ISBN 978-5-17-092456-1

Трактир «Кофейная гуща» стоит на границе между новорожденной реальностью и непознаваемым хаосом ещё неосуществленных возможностей. Он стал центральным местом действия цикла «Хроники Ехо», в ходе которого старые друзья и коллеги встречаются, чтобы поговорить о прошлом и помолчать о будущем, которое уже почти наступило. В четвертой книге цикла «Хроники Ехо» сэр Шурф Лонли-Локли рассказывает о Смутных Временах, о магии и безумии, о силе и смерти, о Кеттарийском Охотнике, о Перчатках Смерти и о том, на какую приманку был пойман Лойсо Пондохва – буквально накануне конца Мира, который так и не наступил.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-092456-1

© Фрай М., 2006
© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Ворона на мосту	13
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Макс Фрай

Ворона на мосту

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

...all these moments will be lost in time...
«Blade Runner» by Ridley Scott

– В результате вашей вчерашней прогулки, господа, – говорит Франк, – в городе появился новый мост из совершенно прозрачного стекла. Можно идти и смотреть, как под ногами течет вода, весьма поучительное зрелище, ничего не скажешь. Вы, вероятно, решили, что он всегда тут был – ну вот, это не так... А в Утином парке повесили качели. Вчера их еще не было, а сегодня с утра уже есть, и выглядят, словно им лет десять, не меньше. Это ведь ты любишь качаться на качелях, сэр Шурф? Можешь не отвечать, я помню, что любишь. Твой бывший начальник тебя заложил, всего-то два дня и, скажем, так, полторы вечности назад.

– То есть качели появились только потому, что я люблю на них качаться? – уточняет гость. – Любопытные тут у вас причинно-следственные связи, ничего не скажешь.

– Они, будешь смеяться, везде примерно одинаковые, просто здесь все происходит более явно, бросается в глаза. Мир-то новенький, сырой еще, лепи из него что хочешь и пожинай плоды – не через тысячу лет, сегодня же. А хороший гость, куда бы ни пришел, всегда немного демиург. Ходит, глазееет по сторонам, любитесь окрестностями и сам не замечает, как преобразается под его взглядом реальность. Одно досадно – он не знает, как тут все было устроено прежде, до его визита, а потому не ведает, что творит и упускает добрую половину удовольствия. Мой долг, как местного старожила, сообщить гостю, что можно начинать удивляться. И объяснить почему. И попросить продолжать в том же духе.

– Хорошо, спасибо, я непременно удивлюсь. Но, если можно, не сейчас, а ближе к вечеру. Сперва мне нужно спокойно обдумать все, что вы мне рассказали, а удивление обычно мешает размышлять.

– К вечеру, так к вечеру, – миролюбиво соглашается Франк. – Но смотри, не забудь.

– Ну что ты. Не в моих обычаях забывать обещания. Я тебя не подведу.

Шурф Лонли-Локли и сейчас качается – в садовом гамаке. Меламори забралась на дерево и висит на ветке, вниз головой – ни дать ни взять огромная летучая мышь. Франк восседает на пне, в правой руке у него Тришины садовые ножницы, в левой – стакан с птичьей кровью. Вообще-то он редко при гостях обедает, чтобы не задеть ничьих чувств, но этих-то, ясное дело, не проймешь, так что можно ни в чем себе не отказывать.

– Ставь поднос сюда, – говорит Триша Максусу, который вызвался ей помочь. – Да-да-да, вот прямо на траву, ничего ему не сделается. Спасибо тебе.

– Сухое спасибо на хлеб не положишь, – ухмыляется он. – Чур, самый большой бутерброд мой. Нет, два самых больших бутерброда. Или даже три. Эй, почему я не слышу возражений? Никто не собирается воевать со мной за бутерброды?! Ну нет, так не интересно... Франк, ты говоришь чрезвычайно дельные вещи. То есть ты вообще всегда говоришь дельные вещи, но вот сейчас – особенно. Я всегда подозревал что-то в таком роде, но так и не сумел сформулировать.

– Еще бы ты не подозревал, – кивает Франк.

– *И вот, оказывается, почему ты позволил нам взгромоздиться тебе на шею, – торжественно заключает Макс. – А если бы не захотели, нашел бы способ уговорить. Знаю я тебя.*

– *Ну да. А как еще? Все дела лучше бы доводить до конца, а уж такое великое дело, как этот город, и вовсе нехорошо бросать на полдороге. Ты бы, кстати, дал все-таки имя бедняге. А то «Город» – и все. Непорядок.*

– *Не умею я городам имена придумывать. И вообще никому, даже кошкам и собакам. Сколько раз приходилось, непременно получалась какая-то глупость, а бедные животные страдали потом. Имена – мое слабое место. Может быть, оно как-нибудь само скажется? Рано или поздно...*

– *... так или иначе, ага, – подхватывает Франк. – Как же, как же, знакомая песня. Ладно, имя пока не к спеху, но ты уж, будь добр, если оно действительно когда-нибудь «само скажется», ушами не прохлопай.*

– *Хлоп, – тут же говорит Макс. – Хлоп, хлоп.*

Вид у него при этом вовсе не насмешливый, а очень, очень серьезный.

– *Если мечты и желания гостей здесь сами собой сбываются, а воспоминания овещаются, значит, в окрестных садах уже шастают лисы, – неожиданно объявляет Лонли-Локли. – Кто сочтет это плохой новостью, извините. Вчера меня никто не предупредил, что здесь нужно контролировать свои желания.*

– *Потому что тебе в кои-то веки не нужно ничего контролировать. И не вздумай. Лисы – это прекрасно, – говорит Франк. – Только они и прежде здесь жили. Рыжие. Я же сам их и развел. А теперь, по твоей милости, еще и серебристые появились. Осталось дожждаться любителя чернобурок, и будет у нас полный комплект. Впрочем, я и от лиловых не откажусь.*

– *Если на то пошло, некоторых можно подкрасить, – предлагает Триша. – В цирюльне Йурри, например. Она всех желающих красит, хоть в лиловый, хоть в зеленый. А чем лисы хуже людей?*

Но ее, кажется, никто не слушает. Ну и ладно, как хотите, думает она, мое дело сторона. Раз так, живите теперь как дураки, без лиловых лисиц, сами виноваты.

– *Вот это да! – Меламори подтягивается на ветке и наконец-то принимает обычное положение. – Сэр Шурф, так ты, оказывается, любишь лисиц?*

– *Это все равно что спросить, люблю ли я людей. Любовь – не то чувство, которое можно испытывать к большому числу живых существ, принадлежащих к одному виду. Было бы странно, если бы я любил всех лисиц без разбора; другое дело, что они будят во мне сентиментальные воспоминания. Когда я был мальчишкой, у меня жил лис. Мы были большие друзья.*

Вроде бы о хороших, приятных вещах говорит, а хмурится. Триша озадачена, но виду, конечно, не подает. Зато подает гостю чашку. Пусть пьет ароматный чай, все лучшее, чем грустить неведомо о чем.

Он поблагодарил Тришу церемонным кивком и вдруг, ни с того ни с сего, объявил:

– *С вашего позволения, теперь я погуляю один. Это и в обычном-то городе, куда приезжаешь из любопытства и ради развлечения, очень важно – я имею в виду, побродить в одиночку, без спутников, сколь бы хороша ни была компания. А если вечером, или завтра поутру ты, Франк, любезно расскажешь мне, какие еще перемены произошли в городе, я буду тебе чрезвычайно признателен. Кроме всего прочего, это весьма любопытный способ узнать о себе нечто новое.*

– *Скорее, вспомнить нечто давно забытое, – сочувственно улыбается Макс. – Впрочем, один черт.*

– *Вот именно.*

– *Я тебе все любезно расскажу, не сомневайся, – обещает Франк. – Мне, собственно, и самому занятно.*

– Спасибо. Рад, что могу на тебя рассчитывать.

Выбравшись из гамака с грацией, достойной лучших представителей кошачьего племени – уж кто-кто, а Триша в этом вопросе авторитетный эксперт и готова выставить ему наивысший балл, – Лонли-Локли уходит столь поспешно, словно предстоящая прогулка – это деловая встреча, и Город не простит ему опоздания. Впрочем, кто знает, какие у них сложились отношения. Всякое может быть.

– Библиотеки, – мрачно говорит Макс ему вслед.

– Что?

Они переспрашивают хором, все трое – не то чтобы не расслышали, просто непонятно, о чем это он.

– Библиотеки, – повторяет Макс. И еще раз, по слогам: – Биб-ли-о-те-ки! А еще книжные лавки, букинистические развалы и книгопечатни... надеюсь хоть не газетные киоски. На каждом углу – это если сэр Шурф все-таки будет держать себя в руках. А если нет, все вокруг станет библиотеками. Забудьте, что в этом городе когда-то были жилые дома, кондитерские лавки и сапожные мастерские. Попрощайтесь с ними прямо сейчас. Уж я этого парня знаю.

И совсем он не мрачный, а изо всех сил сдерживает смех.

– Поживем – увидим, – говорит Франк. – Но готов спорить на дюжину монет, что кондитерские все-таки выживут. Однако шило в заднице у твоего друга, пожалуй, даже длиннее, чем у тебя, – подумав, добавляет он. – Хотя на первый взгляд не скажешь.

– У меня-то в заднице может быть, конечно, и шило, – ухмыляется Макс. – Зато у него – натуральная мизерикордия.

– Что?

– Мизерикордия. Переводится как «милосердие». Такой специальный полезный кинжал, чтобы добывать раненых, – скороговоркой отвечает он. – А то лежат, мучаются, стонут – бардак. Раздражает.

Ответом ему недоуменное молчание. «Эк его все-таки занесло, – думает Триша. – Раненые какие-то, и кто-то их добывает зачем-то вместо того, чтобы лечить, – ничего не понимаю».

И, кажется, не только она так думает.

– Ну что вы все на меня так смотрите? Ничего особенного я не сказал. Быть живым человеком в большинстве случаев очень больно, – почти сердито говорит Макс. – В каком-то смысле, живой – это и есть раненый. Можно быть великим колдуном, а можно – невежественным фермером, один хрен, обоим примерно одинаково больно. Вопрос, строго говоря, только в том, кто чем себя глушит. Пребывать в шкуре сэра Шурфа – то еще удовольствие, честно говоря, зато и наркоз он себе выбрал достойный. Любопытство и жажда новых знаний делают совершенно восхитительной жизнь, которая теоретически должна бы стать невыносимой. Мне у него еще учиться и учиться. С другой стороны, я даже в худшие свои дни куда меньше нуждался в обезболивании. Быть мной, по большей части, легко и приятно – насколько это вообще возможно.

– А. Вот теперь понятно, – кивает Меламори. – Наверное... Да нет, не «наверное», а так оно и есть. «Мизерикордия», ну и штука! Надо бы слово запомнить – красивое. Лучшие любого ругательства.

– Только картину мира ты нарисовал очень уж мрачную, – улыбается Франк. – Отчасти ты, конечно, прав, но это далеко не вся правда про живых людей. Примерно одна тысячная часть правды, поверь мне. Чего-чего, а времени для наблюдений и выводов у меня было достаточно.

– Хорошо, если так, – соглашается Макс. – Моя позиция, как ты понимаешь, не из тех, что хочется отстаивать до последней капли крови. Если я дурак, тем лучше для всех.

– Ты не дурак. Просто живешь не очень долго – по крайней мере, в этой шкуре. Но это, как ты понимаешь, поправимо. Уже завтра утром ты будешь гораздо старше, чем сегодня. На целый день, только подумай!

– Не могу представить, воображение отказывает.

Макс смеется и кривляется, куда только подевалась давшая мрачность. Вот и хорошо, не нужно ему мрачным быть. Триша – сторонница размеренной жизни. Ей совсем не скучно без землетрясений, наводнений и пыльных бурь.

Гость, о котором так много говорили, вернулся незадолго до начала сумерек, когда иценки тумана выбираются из-под кустов и ластятся ко всем, кого застанут в саду, а изумрудно-зеленая крылатая мелочь слетается к незажженным еще лампам. Эту мошкарку притягивает только обещание света, чем гуще сумерки, тем азартнее их копошение, а когда лампы наконец загорятся, они тут же разлетятся по темным комнатам и будут ждать света там. Зато в помещении, где лампу уже погасили, не задержатся и на секунду.

Франк как раз принялся колдовать над котлом, где варились розовые бутоны и тонкие ломти свежего имбирного корня. Объяснил Трише, что это – новый, неопробованный еще рецепт. Если остудить цветочно-имбирное зелье на вечернем ветру, а потом сварить на нем кофе, добавив одиннадцать крупиц белого перца, получится настоящий волшебный эликсир, после кружки которого можно плясать, не останавливаясь, до рассвета, да еще по ходу дела нечаянно перемыть всю посуду, побелить стены и нарубить дров на месяц вперед. И, конечно, немного досадно, что среди гостей нет ни одного простуженного, а то бы и простуду можно было вылечить заодно, но тут уж ничего не поделаешь, ладно, пусть.

– Если это действительно очень важно, я могу попробовать простудиться, – вежливо говорит Шурф Лонли-Локли, усаживаясь за стол. – Мне никогда прежде не доводилось ставить перед своим телом такую задачу, но, теоретически, ничего невозможного тут нет. Вряд ли заболеть труднее, чем излечиться.

– Спасибо, – кивает Франк. – Это очень великодушное предложение. Но, по правде сказать, мне совсем не нужны простуженные гости. Просто некоторые напитки любят, чтобы повар ворчал, пока их готовит. А некоторые, напротив, требуют молчания. А когда завариваешь бирюзовый чай, неплохо бы посмеяться прямо в чайник, я имею в виду, снять крышечку и поднести чайник ко рту, чтобы ни единый смешок не пролетел мимо, а то придется потом с пола поднимать, мыть, сушить и откладывать на черный день... Впрочем, к последней рекомендации не стоит относиться серьезно, на кухне я иногда становлюсь слишком скаредным, Триша подтвердит.

– Да уж, иногда на тебя находит, – честно сказала Триша. – Если бы ты свои смешки сам мыл, еще полбеды, а то ведь меня всегда заставляешь. – И, не утерпев, спросила гостя: – Ты как погулял-то?

– А вот даже не знаю, что тебе на это сказать.

Лонли-Локли аккуратно складывает на столе руки, опускает на них голову и смотрит, не мигая, в распахнутое окно, за которым понемногу сгущается вечерняя синева. Молчит. Триша знает цену такому молчанию, и этот отсутствующий взгляд ей знаком. Когда человек так молчит, он смотрит вовсе не в окно, а вот куда – вопрос, на который есть великое множество ответов, нелепых и невнятных, один другого хуже, потому что о пространстве, которое открывается ему в такие минуты, невозможно говорить человеческим языком, о нем и думать-то можно только если забыть на время все языки, и о самой возможности существования речи тоже лучше бы не вспоминать. В общем, люди обычно говорят, что смотрят «в себя», наводят как могут порядок «в собственном космосе» – безнадежно дурацкие формулировки, даже Триша это понимает.

– Я как-то довольно странно погулял, – наконец говорит гость. – Мне, конечно, было очень интересно, а временами так хорошо, что словами не объяснишь. Когда веселое пламя сжигает тебя изнутри, когда пеной золотой стекаешь к собственным ногам, дергаешь время своей жизни за нитки, и слушаешь, как оно звенит, хохочет в тебе, но не рвется – тут не до объяснений, не о чем тут говорить, даже с самим собой, да и не надо, наверное... Но все же иногда мне становилось страшно, да так, что только многолетняя привычка подчиняться разумной необходимости помогала сохранить лицо и идти дальше, как ни в чем не бывало. И вот это, пожалуй, самое удивительное. Мне очень давно не было страшно; признаться, я думал, что с этим покончено навсегда, что страху, как младенческому уменью ходить, не касаясь земли, в случае нужды пришлось бы учиться заново. И тут вдруг все у меня прекрасно получилось – с чего бы? Теоретически это был один из лучших дней моей жизни в самом, вероятно, безопасном месте Вселенной – и на тебе.

– Ты стал моложе, пока гулял. Может быть, поэтому, – говорит Франк, на миг подняв голову от своего котла. – Не обязательно, но очень может быть. Когда человек сталкивается с иным, непривычным ему течением времени, он обычно испытывает неконтролируемый ужас. Многие от потрясения теряют разум, а некоторые вообще могут оочуриться, не сходя с места; ты, конечно, не из таких – еще чего не хватало. Но и ты, однако, хорош! Позволил времени вот так просто взять да и развязать узел, в который оно тебя скрутило, и еще удивляешься, что шарахнуло – а ведь это опасней, чем за оголенные провода хвататься... Впрочем, у тебя нет опыта обращения с электричеством, поэтому сравнение неудачное. Не обращай внимания. Ты жив, здоров и в своем уме – вот это действительно важно.

Триша толком не дослушала его рассуждения, даже электричеством не слишком заинтересовалась, хотя расспрашивать Франка о незнакомых вещах – ее главная слабость. Но тут прохлопала очередной шанс, потому что во все глаза уставилась на гостя – а ведь действительно помолодел! То-то ей сразу показалось, что-то с ним не так. А оказывается, все так, просто человек стал моложе – это же хорошо, разве нет? Люди, насколько она успела заметить, чрезвычайно ценят телесную молодость, даже ради видимости ее на многое готовы.

– Интересные дела, – Лонли-Локли качает головой. – Франк, я обещал тебе, что ближе к вечеру непременно удивлюсь, но не предполагал, что настолько. Надо же, пошел гулять, чтобы изменить город, а вместо этого он меня переделал. Впрочем, я не в накладе. Молодость – не тот подарок, от которого хочется поскорее избавиться. Лишь бы завтра не вернуться сюда младенцем, такой поворот может сильно спутать мои ближайшие планы.

– Этого, – говорит Франк, – можешь не слишком опасаться. Здесь у нас ни один день не бывает похож на предыдущий – по большому счету, конечно. Так-то, если в саду сидеть, хозяйство вести, как мы с Тришей, и дальше рынка не забираться, можно не замечать никаких перемен. Но всякий старожил рано или поздно убеждается, что чудеса тут непоследовательны, а маршруты непостоянны, поэтому завтра с тобой случится что-нибудь совсем иное, или вовсе ничего – так тоже бывает.

– Ну да. Я и сам мог бы сообразить, что всякая реальность похожа на своего создателя.

– Вот-вот. Причем не просто похожа, они – одно и то же, хоть и трудно это представить.

– Не очень трудно, – неожиданно улыбается гость. – Пожалуй, я понимаю, что ты имеешь в виду.

– Мы растревозили реальность своей болтовней, – Франк вдруг перешел на шепот и стал оглядываться по сторонам с видом заговорщика. – Сейчас она явится к нам, собственной персоной. Я уже слышу ее шаги. Что мы наделали!

Хлопает входная дверь, Триша, утробно взвизгнув, вскакивает, миг – и она уже на полке, под самым потолком, среди старых кофемолок и банок с сухими травами. Интересно, с чего она взяла, что полка – более безопасное место, чем ее табурет? На этот вопрос у Триши нет ответа, более того, она отлично понимает, что совершила абсолютно бессмысленное действие, но когда в следующий раз чего-нибудь испугается, снова окажется на этой самой полке, тут уж ничего не поделаешь. Хорошо хоть за несколько лет посуду научилась не сбрасывать, поначалу-то шума и уцербя от ее прыжков было куда больше.

– Хорошо вы тут развлекаетесь, – одобрительно говорит Макс. – Чехарда? Пряжки? Салочки? «Выше-ноги-от-земли»? Чур я на новенького!

И только теперь Триша начинает понимать, что это Франк так пошутил. Чтобы, значит, подчеркнуть, до какой степени нет разницы между реальностью и ее творцом. Нечего сказать, наглядный пример! Дурацкая все-таки вышла шутка, Триша уже невесть что подумала. Ну вот, к примеру, что откроется дверь, и оттуда хлынет все сразу – дома, деревья, камни, люди и звери, товары, выставленные в лавках, оконные стекла, досужие сплетни, птичий помет, речная вода, утренний ветер; наконец, полночное небо шмякнется на кухонный пол жирной лиловой кляксой, и тогда они все, конечно, захлебнутся и утонут, только сам Франк, наверное, как-нибудь выберется, да и то еще вопрос. А это просто Макс зашел, ничего никуда не хлынуло, нельзя же так людей пугать, уфф!

– Вы все меня совсем запутали! – сердито говорит Триша сверху.

Макс и Франк складываются пополам от хохота. Это ее заявление, надо думать, их совсем добило. Трише немного обидно, но они так заразительно смеются, что она тоже начинает хихикать – скорее нервно, чем весело, и все-таки. И только Шурф Лонли-Локли по-прежнему невозмутим.

– Когда-то давным-давно я прочитал в старинной рукописи, будто некоторые существа бессмертны, пока смеются, – задумчиво говорит он. – Я был чрезвычайно впечатлен, поэтому то и дело начинал смеяться, не дожидаясь, когда мне станет весело. На свой счет я заблуждался, конечно. Но, возможно, в этой книге писали о вас.

– Мы всегда бессмертны, – улыбается Франк. – И я, и Макс, и Триша, и ты, конечно, тоже. Вообще все. Другое дело, что чувствовать и уж тем более осознавать собственное бессмертие неопытному человеку трудно, почти невозможно. Элементарное неумение чувствовать себя бессмертным люди обычно принимают за осознание собственной смертности, и это делает жизнь невыносимой. Смех – просто один из великого множества способов взять передышку; возможно, самый простой и эффективный. С этой точки зрения ты в юности очень правильно все понимал.

Лонли-Локли глядит на Франка, приподняв бровь, качает головой то ли недоверчиво, то ли озадаченно.

– Интересные дела, – говорит, наконец.

Он уже второй раз кряду это повторяет, как заклинание. Выходит, и правда интересные дела творятся тут у них – в «Кофейной гуце» и вообще в Городе. И это хорошо, потому что до сих пор Трише казалось, жизнь у них самая обыкновенная. Хорошая, но обыкновенная, Франку дух переводить между этими его загадочными путешествиями – в самый раз, а ей никаких чудес не положено, и так балованная – дальше некуда. И вдруг выясняется, что она живет практически в эпицентре этих самых «интересных дел», так что следует внимательно глядеть по сторонам – сколько уже чудес пропустила небось. Нет уж, тут ушики на макушке надо держать, и она будет, вот только со шкафа слезет, и сразу же!

Все-таки слезать вниз почему-то гораздо труднее, чем запрыгивать наверх, и это очень, очень несправедливо.

– Триша, что творится? Эти ужасные люди загнали тебя на шкаф? – изумленно спрашивает Меламори.

Она вошла, когда Триша уже почти спустилась, только и осталось что переставить одну ногу на самую нижнюю полку, а другую свесить вниз, чтобы ощутить близость кухонного пола – почти то же самое, что поставить, хотя поставить, конечно, было бы надежнее, но тут никак не дотянуться, она уже сколько раз пробовала, эх.

– Я сама туда залезла, – честно признается Триша, прыгнув все-таки на пол и переведя дух. – Франк пошутил, а я поверила, испугалась, решила, что сейчас в эти двери хлынет реальность, и мы захлебнемся, хотя на самом деле, конечно, так быть не может... Ну, неважно, тем более, я уже слезла.

– Ты бы видела, как она туда метнулась. Одним прыжком – под потолок, – говорит Макс. – Когда я смотрю на Тришу, чувствую себя не человеком даже, а заколдованным бегемотом. И когда-нибудь сдохну от зависти.

– История твоего появления на свет действительно дело темное, но все-таки вряд ли ты заколдованный бегемот. – Франк на удивление серьезен. – Я бы заметил.

– Если бы он был оборотнем, я бы тоже заметил, – кивает Лонли-Локли. Обращается к Франку сухо, деловито, как эксперт к эксперту – дескать, не позволим всяким самозванцам выдавать себя за священное животное, пусть даже и заколдованное.

– Дурдом, – восхищенно вздыхает Макс. – Натуральный дурдом. Именно то, чего мне всегда не хватало для полного счастья, – компании психов на фоне которых я могу показаться почти нормальным.

– В Тайном Сыске было примерно то же самое, – напоминает ему Меламори. – Другое дело, что ты не можешь казаться нормальным вообще ни на каком фоне. Гони иллюзии прочь.

– Чем издеваться, вы бы лучше решили, кто у нас сегодня за рассказчика. Потому что я – нас. Вчера я сказал все слова, которые знаю, и еще добрую дюжину незнакомых как-то выговорил. Теперь мне нужно время, чтобы выучить новые сочетания звуков.

– А тут и решать нечего, – Франк пожмает плечами. – Ясно кто.

И выразительно смотрит на Лонли-Локли. Триша тоже смотрит на него во все глаза, в надежде, что у нее получился не менее красноречивый взгляд.

– Что, попался, сэр Шурф? – смеется Макс. – Единственное существо, над которым ты можешь безнаказанно измываться – это я. По счастью, мы с тобой не одни во Вселенной. А то бы ты, пожалуй, совсем зажрался.

– Ну, если всем присутствующим хочется весь вечер слушать столь скверного рассказчика...

– Хочется! – хором объявляют присутствующие. – Еще как хочется!

– Ради такого дела я, пожалуй, испеку сырнй пирог с лунным изюмом, – добавляет Франк. – Это, да будет тебе известно, большая редкость. Время от времени я приношу из своих странствий корзинку спелого винограда. Половину съедает Триша, ее доля это святое, зато остаток я аккуратно раскладываю на деревянном блюде и по вечерам выношу в сад – если ночь обещает быть сухой. И убираю в ларь сразу после захода луны. Большая часть ягод от такого обращения портится, но получить несколько лунных изюминок с каждой грозди мне все же удается. На одну запеканку в год набирается, и она, поверь мне, стоит таких хлопот.

– Охотно верю, – говорит гость.

Вид у него при этом чрезвычайно растерянный и, можно сказать, обреченный. С таким лицом не байки рассказывают, а жизнь отдают ради какой-нибудь сентиментальной глупости, вроде спасения человечества и, скажем, лукошка двухнедельных котят в придачу.

– А я еще и чай заварю из двадцати двух трав, – обещает Триша. – Тебе же кофе не очень нравится? Ну вот, будет в твою честь самый распрекрасный чай в мире, только ты уж теперь не передумай, пожалуйста.

– Ладно. Если хозяева настаивают, будь по-вашему. Но вам вряд ли понравится моя манера изложения. В конечном итоге я просто испорчу всем вечер.

– Ничего, как-нибудь потерпим, – Франк тверд как скала.

– На самом деле ты неплохой рассказчик, – говорит Макс. – Просто не самый лучший в мире, потому и бесишься. Я имею в виду, ты слишком хорошо знаешь теорию, ясно представляешь, как должно выглядеть идеальное изложение идеальной истории, и понимаешь, что у тебя так не получится. Но не забывай, мы-то не знаем, как надо. У нас нет никаких идеалов, только любопытные уши и куча свободного времени. Поэтому с радостью выслушаем все что угодно. Хотя, что до меня, я бы предпочел...

– Знаю, что ты предпочел бы. Историю о старых добрых временах, когда я бегал по городу с выпученными глазами и убивал всякого, кто недостаточно почтительно меня поприветствовал. Тебе почему-то кажется, что это было очень увлекательно.

– А еще лучше, – вкрадчиво продолжает Макс, – историю о немного менее старых и еще более недобрых временах, когда сэр Лонли-Локли начал работать на Кеттарийского Охотника. Ребятам, уверяю тебя, абсолютно все равно, о чем слушать, а меня ты можешь сделать счастливым.

– Это будет, если я не ошибаюсь, четыреста семьдесят шестой известный мне способ сделать тебя счастливым... Не смотри на меня так, можно подумать, мы первый день знакомы. Ну да, в свое время я записывал все твои высказывания в таком духе. И подсчитывал. Ну и что? Поначалу это казалось мне чрезвычайно интересным исследованием, поскольку прежде я не встречал людей, способных стать счастливыми, если им будет позволено посидеть на столе, или, скажем, помолчать полторы минуты. Мне казалось, ты знаешь какой-то особый секрет счастья, неведомый остальным. Потом я понял, что у тебя просто такая причудливая манера выражаться, но к тому времени уже вошел во вкус, как это всегда случается с коллекционерами. На сегодняшний день в моей тетради собрано четыреста семьдесят пять записей с пометкой «Сэр Макс, счастье».

Триша ставит чайник на плиту и думает, что никогда не поймет людей. Никогда.

Позже, когда все собрались к ужину – Франк во главе стола, вооруженный песочными часами и горячим пирогом – вот они, подлиннные символы абсолютной власти! – Трише показалось, что гость уже смирился с выпавшей ему долей. Во всяком случае, больше не пытается уверить всех присутствующих, будто им предстоит самый нескладный вечер в их жизни. И не умоляет одуматься, пока не поздно.

– Что ж, ваша взяла, – говорит он, пробуя Тришин чай. – Между прочим, я никогда не любил проигрывать – даже в мелочах. Мне это и сейчас, скажем так, не слишком нравится. Но, оглядываясь назад, я вынужден отметить, что все мои по-настоящему разгромные проигрыши оборачивались впоследствии великой удачей. Наоборот, кстати, тоже случилось неоднократно, я хочу сказать, что не было в моей жизни событий более трагических, чем некоторые мои победы. Обо всем этом, пожалуй, и расскажу. Не уверен, что получится увлекательно, зато поучительно – наверняка. По крайней мере, для меня самого. Ну и сэр Макс все-таки будет счастлив, поскольку речь пойдет о тех самых временах, которые, боюсь, до сих пор кажутся ему самой романтической эпохой в истории Соединенного Королевства.

Ворона на мосту

История, рассказанная сэром Шурфом Лонли-Локли

Для начала мне придется более-менее подробно изложить обстоятельства своей жизни, а вам – набраться терпения и все это выслушать. Не самая завидная участь, но из всех присутствующих только сэр Макс знает о моем прошлом, да и то лишь в самых общих чертах¹, а история, которую я намерен рассказать, принадлежит к числу тех, где ответ на вопрос «что происходит?» не так существенен, как ответ на вопрос: «с кем?»

Я родился незадолго до начала Смутных Времен, то есть в ту пору, когда война Короля и Семилистника против всех остальных Орденов еще не была официально объявлена, но боевые действия уже понемногу велись. Магические Ордена то и дело увязали в междоусобных дрязгах, а к согласию приходили, лишь обсуждая необходимость ограничения, или даже упразднения Королевской власти.

Впрочем, об этих приметах конца Эпохи Орденов я узнал много позже, задним, так сказать, числом. Мы жили в отдаленном пригороде, в стороне от столичных беспорядков и о положении дел судили в основном по цвету неба: какой Орден был в силе, тот и окрашивал бледные угуландские небеса в свой излюбленный оттенок. Забавно, что в детстве я очень любил ярко-голубое небо, а теперь возглавляю Орден Семилистника, которому в те времена принадлежал мой любимый цвет. Иногда я думаю, что надо бы воспользоваться служебным положением и воскресить эту старую традицию, но пока не даю себе воли, не хочу понапрасну пугать старшее поколение горожан. Люди, пережившие Смутные Времена, до сих пор очень серьезно относятся к небу и предпочитают, чтобы оно было окрашено в один и тот же привычный цвет, это позволяет им чувствовать себя в безопасности. Я не считаю такую позицию правильной, но вынужден проявлять милосердие, по крайней мере, пока.

Впрочем, изумрудные небеса, символизировавшие торжество Ордена Водяной Вороны тоже были прекрасны. Особенно когда ветер гнал по ним медово-желтые облака, любимую игрушку Младших Магистров Ордена Часов Попятного Времени, который в ту пору еще не был распущен. А больше всего мне нравилось наблюдать, как небо меняет цвет, иногда трижды и даже четырежды в течение одного часа. С точки зрения человека, который превыше всего ценит красоту мира и его непостоянство, Эпоха Орденов была, конечно, благословенным временем. Но я отвлекся от генеральной линии повествования; постараюсь впредь не повторять эту ошибку.

Моя мать, если верить свидетельствам очевидцев, была одной из самых выдающихся красавиц своего поколения; рассказывают также, что, приступив к изучению магии под руководством женщин Ордена Потаенной Травы, она решила, будто привлекательная внешность может каким-то образом помешать ее занятиям. Тогда, призвав на помощь искусство преобразования, она превратилась в сущее чудовище, хотя, казалось бы, вполне могла удовлетвориться обликом неприметной особы неопределенного возраста, как делали многие. Отец мой не раз повторял, что именно от матери я унаследовал склонность кидаться из одной крайности в другую; в его устах это звучало как похвала, но были времена, когда я был готов проклинать такое наследство. Впрочем, теперь, оглядываясь назад, вижу, что все к лучшему; забавно, кстати, что к такому выводу люди обычно приходят после того, как все наихудшее, что только можно вообразить, с ними уже случилось.

¹ Шурф Лонли-Локли действительно уже рассказывал о некоторых событиях, изложенных ниже. Очень скупо, в нескольких словах, опуская многие немаловажные факты. Эту версию его рассказы можно найти в повести «Путешествие в Кеттари».

Так или иначе, но, рассказывая о матери, я могу лишь повторять чужие слова. Мы так никогда и не были представлены друг другу. Полагаю, в конце войны за Кодекс Хрембера она, подобно другим адептам Ордена Потаенной Травы, отправилась в добровольное изгнание и благополучно воссоединилась с Великим Магистром Хонной где-нибудь на окраине Мира; в любом случае, никакими заслуживающими доверия сведениями о ее судьбе я не располагаю.

С моим отцом ее связывали узы, что много крепче брачных, некая нерушимая клятва, из тех, что легкомысленно приносят в юности, а потом до конца дней расхлебывают последствия. Поэтому официальное поступление в Орден Потаенной Травы долгое время оставалось для матери делом невозможным. Отец не соглашался расторгнуть клятву, поскольку, во-первых, наслаждался своей властью над ее судьбой, а во-вторых, испытывал к Великому Магистру Хонне глубокую личную неприязнь, причины которой мне неведомы. В отместку мать пообещала сделать его бездетным и сдержала слово; бесчисленные отцовские любовницы, чуть ли не каждодневно сменявшие одна другую, ничего не смогли противопоставить ее чарам. В конце концов, чадолюбие возобладало над прочими чувствами, и отец сдался. Сказал: «Роди мне сына, а потом, если захочешь, выметайся хоть к Хонне, хоть к самим Темным Магистрам». Сделка состоялась. Таким образом, мое появление принесло родителям свободу друг от друга; можно сказать, я с самого начала достойно отблагодарил обоих.

Но и мне не на что пожаловаться. Детство мое было на удивление счастливым и безмятежным, особенно если рассматривать его в историческом контексте, изучив нравы и обычаи предвоенной эпохи.

Мы были богаты. Далекие предки моего отца, члены тайного уандукского братства кладоискателей, прибыли в Угуланд в составе армии Ульвиара Безликого, прижились в этих землях и так разбогатели, разоряя лесные тайники скархлов² и крёггелов³, что обеспечили безбедное существование многим поколениям наследников.

Я вырос в огромном загородном доме; человек менее сведущий наверняка назвал бы его замком, тем не менее, уж поверьте автору четырех авторитетных монографий по истории угуландской архитектуры, это был не замок, а очень просторный жилой дом эпохи вурдалаков Клакков, красивый, удобный и даже не лишенный некоторого простодушного величия. К дому прилагался земельный участок – луга, холмы, овраги с ручьями и лесные уголья, столь обширные, что идти пешком от дома до дальней границы наших владений приходилось добрых четыре часа – это если кратчайшей дорогой, быстрым шагом, не останавливаясь на отдых.

С младенчества меня окружали многочисленные слуги, няньки и воспитатели; надолго, впрочем, мало кто задерживался – я был совершенно невыносим. Но отец неизменно оставался доволен моим поведением. Он полагал, что нормальный ребенок должен быть упрямым и непоседой, и я не давал ему повода усомниться в моем душевном здоровье.

Отец в ту пору числился Младшим Магистром в Ордене Дырявой Чаши, куда поступил, как было заведено, еще в отрочестве, повинаясь не столько призванию, сколько семейной традиции. Дома он появлялся не слишком часто, но сомневаюсь, что его дни были целиком посвящены делам Ордена. Насколько я могу судить, карьера его не задалась – то ли у него вовсе не было склонности к занятиям магией, то ли, как это часто бывает, выбранный наспех и наугад путь не позволил его способностям раскрыться в полной мере.

² *Скархлы* – исконные обитатели материка Хонхона, звери, птицы, рыбы и грибы, обладающие способностью время от времени принимать человеческий облик. Некоторые скархлы могут оставаться людьми подолгу, практически всю жизнь, лишь изредка принимая свой первоначальный облик; обычно им это очень нравится. Их потомки от смешанных браков с рождения выглядят как люди, но сохраняют некоторые качества своих предков и, при желании, быстро и легко обучаются превращениям.

³ *Крёггелы* – гномы, исконные обитатели материка Хонхона. Делятся на лесных и равнинных. Равнинные гномы – одиночки, они язвительны, сварливы, неуживчивы и весьма умело прячутся от людей и от своих собственных сородичей, так что их мало кто видел. А горные гномы имеют весьма общительный и уживчивый характер. Они основали княжество Кебла, где живут в дружбе с согласия не только друг с другом, но и с небольшой группой эхлов – великанов, которые остались в Хонхоне после того, как почти все их сородичи перебрались на материк Чирухту, где по сей день живут в стране Умпон.

Все эти выводы я сделал много позже, а в те дни отец казался мне великим чародеем. Он был, если судить по результату, скверным воспитателем, зато я считал его лучшим другом и доверял ему безоговорочно – мало кто из отцов может этим похвастать. Порой я думаю, что ему следовало потребовать для себя не одного, а целую дюжину сыновей и дочек, поскольку его истинное призвание состояло в том, чтобы множить число избалованных, зато счастливых детей.

Конечно, надо принимать во внимание, что отец возлагал на меня не просто большие, а безграничные надежды. Причиной тому были мои выдающиеся способности к Очевидной магии, которые проявились очень рано. Летать, вернее, передвигаться примерно в полуметре над полом я начал много раньше, чем выучился твердо стоять на земле; примерно тогда же освоил Безмолвную речь, да так к ней приохотился, что долго потом отказывался говорить вслух, пока отец не догадался внушить мне, что болтовня – это новая увлекательная игра, и, если я не хочу составить ему компанию, он найдет других достойных партнеров. После такого ультиматума я, конечно, быстро освоил устную речь и заодно письменную – почти нечаянно, просто потому, что поначалу не мог уяснить для себя разницу между чтением и разговором, да и потом долго еще носился с самопишущими табличками, поскольку писать и читать мне нравилось гораздо больше, чем слушать и говорить. Собственно, в этом отношении мои вкусы до сих пор не претерпели кардинальных изменений.

Отец рассказывал – сам я этого не помню, – что мне еще не исполнилось трех лет, когда я убил взглядом нянюку, которая решила меня отшлепать. Он был чрезвычайно доволен и горд этим обстоятельством; впрочем, теперь я почти уверен, что несчастную женщину просто хватил удар, находчивые слуги поспешили обвинить младенца, с которым она возилась перед смертью, и потребовать для себя утроенного жалования за риск, а мой бедный наивный отец принял навет за чистую монету и возрадовался. Так или иначе, но с тех пор я больше никогда не убивал своих нянек и пришедших им на смену воспитателей – ни взглядом, ни еще как-нибудь, хотя некоторые, мне кажется, вполне того заслуживали. В огородные пугала я их превращал, было дело, и на крыше за лоохи подвешивал, и ночными кошмарами развлекал. А одного недотепу, возомнившего, будто он рожден на свет для того, чтобы научить меня основам геометрии, которые я имел счастье усвоить еще в младенчестве, заточил в огромный горшок и отправил на ярмарку в Нумбану, после чего о нем больше никто никогда не слышал. Словом, чего только я не творил, пользуясь абсолютной безнаказанностью, но все это были вполне обычные, более-менее безобидные по тем временам детские шалости, об убийствах я и не помышлял, хотя отец, помню, меня иногда подначивал. Ему, вечному Младшему Магистру, не раз с прискорбием убеждавшемуся в собственной заурядности, было приятно думать, что в его доме подрастает «второй Лойсо Пондохва», который, дайте время, устроит всем веселую жизнь. Я же, услышав однажды краем уха, что родной отец считает меня кем-то там вторым, а какого-то незнакомого человека, соответственно, первым, смертельно обиделся на обоих. Впрочем, отца я простил уже к вечеру, долго сердиться на него было решительно невозможно, а вот Лойсо Пондохву с того дня считал своим личным врагом, даже не подозревая, насколько я не оригинален в своей ненависти. В те дни Великого Магистра Ордена Водяной Вороны не проклинали только ленивые и рассеянные.

Я рос без сверстников. Строго говоря, довольно долго я вообще не видел других детей, разве что, на картинках, или во сне, но это, конечно, не то. Родных братьев и сестер у меня не было. О соседских детях и речи не шло. Какие могут быть соседские дети накануне Смутных Времен, когда всякий мало-мальски зажиточный хозяин считал своим долгом окружить дом надежной защитой, чтобы даже кот с чужой фермы прошмыгнуть не смел. Кому не хватало могущества, или познаний, раскошелывался по такому случаю, нанимал умелого специалиста. Над защитой отцовских владений потрудились самые могущественные Магистры Ордена Дырявой Чаши, такая взаимовыручка была у них в порядке вещей. Поэтому посторонние у нас

никогда не появлялись, да и мне пришлось изрядно подрасти и многому научиться прежде, чем я смог самостоятельно выбраться за дальнюю ограду.

Впрочем, однажды отцовский кузен привез к нам своих сыновей. Старший был моим ровесником, двое других показались мне совсем малышами, хотя сейчас я понимаю, что разница в возрасте была не так уж велика. Мой двоюродный дядя рассудил, что наш загородный дом – гораздо более тихое и безопасное место, чем его собственная городская квартира. Он не учел только один фактор – меня, и это была серьезная оплошность.

Я вовсе не собирался обижать братьев, напротив, обрадовался, что у меня наконец-то появились товарищи для игр, и в первые же дни втравил бедных парнишек в несколько рискованных предприятий, какие их отцу и в страшном сне примерещиться не могли. Намерения у меня, повторяю, были самые добрые, просто я несколько переоценил способности своих новых товарищей. Вернее, мне до той поры в голову не приходило, что другие дети не умеют делать самые простые вещи – скажем, летать, или проходить сквозь стены. Сам-то я, понятно, проделывал такие фокусы чуть ли не ежедневно, вместо утренней зарядки. Когда веселые и совершенно, на мой взгляд, безопасные прыжки с крыши нашего дома закончились для них переломанными ногами, руками и ребрами, Орденский знахарь, присланный отцом, быстро исправил положение, но дядя, извещенный о происшествии, предпочел в тот же вечер забрать пострадавших домой, к моему немалому огорчению.

Больше в нашем доме дети не появлялись. Зато в моем распоряжении оставались многочисленные слуги и воспитатели, которых я уже не раз упоминал. Дети зачастую склонны недолюбливать своих наставников и преувеличивать их недостатки, но даже сейчас, много лет спустя, я вынужден констатировать, что мое окружение составляли по большей части люди недалекие и ограниченные. Уже подростком, поступив в Орден Дырявой Чаши и с удивлением убедившись, что далеко не все чужие взрослые являются скучными бессмысленными болванами, я спросил отца, почему он с такой небрежностью подбирает мне воспитателей. «Не с небрежностью, но с великим тщанием, – был его ответ. – Я хотел, чтобы ты сызмальства привык находиться среди людей, которые неспособны тебя понять, ибо ты превосходишь их во всем. Это был единственный доступный мне способ обучить тебя высокомерию и одиночеству – вот два воистину великих и полезных для развития искусства, в которых я сам, увы, не слишком преуспел».

Его признание, помню, поразило меня в самое сердце – каков хитроумный замысел! Но теперь-то я понимаю, что была еще одна, скорее всего, главная цель: устранить всякую возможность конкуренции. Никто в моем окружении не должен был превосходить отца, сама возможность сравнения представлялась ему невыносимой. Я должен был самостоятельно прийти к выводу: нас, таких замечательных, мудрых и могущественных, всего двое на свете, остальные только крутятся под ногами и мешают. Что ж, признаюсь, именно такие представления о мире и нашем с отцом месте в нем еще долгое время имели надо мной великую власть. Став старше, я решил, что утешительная формула «нас двое» – иллюзия, детская сказка, а я уже взрослый и, конечно, абсолютно один. Но это, как вы понимаете, нельзя считать радикальным изменением позиции.

Жил я в отцовском доме примерно так: дни напролет скрывался от своих назойливых опекунов – в библиотеке, на чердаке, в саду, за дальними холмами – словом, в одном из доброй полусотни укромных убежищ, где они не могли меня отыскать. По ходу дела учился быть невидимым, бесшумным, недостижимым для Безмолвной Речи и прочим полезным искусствам в таком духе. Объявлялся только когда требовалось пополнить запасы еды и непрочитанных книг, или приходила охота поиграть – в смысле как следует обескуражить, а то и помучить первого, кто под руку подвернется. Время от времени ко мне, совершенно ошалевшему от одиночества и вседозволенности, присоединялся отец, благоухающий колдовскими зельями и речной водой, окруженный, как мне казалось, ореолом очередной великой тайны, и мы начинали

куролесить вдвоем. Еще неизвестно, кто вел себя хуже, но счастливы были оба, это я точно помню.

Однажды, прогуливаясь в ближних холмах, я нашел серебристого лисенка чиффу с перебитой лапой – Магистры ведают, как обитателя гор занесло в наши равнинные края. Я заинтересовался зверем, решил его вылечить, принес домой, послал зов отцу и потребовал инструкции. К моему удивлению, отец не пришел на помощь, как это было у нас заведено, а сослался на важные дела и велел поискать нужные заклинания в книгах – для того, дескать, они и существуют, чтобы приносить практическую пользу. Я провел бессонную ночь, перевернул библиотеку вверх дном, но в итоге нашел таки нужную книжку, предназначенную для начинающих знахарей, внимательно ее прочитал и более-менее успешно применил новые знания в деле. Лисенок выздоровел и очень ко мне привязался, так что я обзавелся новым товарищем для игр и заодно весьма эффективным спутником, чья дружба делала мне честь, поскольку в наших краях считалось, будто приручить чиффу невозможно. Но по-настоящему важно другое – в тот день я понял, что чтение нужно не только для развлечения. Читая некоторые книги, можно научиться Очень Важным Вещам – это открытие окрылило и опьянило меня, да так, что воспитатели решили, будто я и впрямь разорил отцовский винный погреб: носился под потолком, прижимая к животу перепуганного лисенка, орал что-то невразумительное и оглушительно хохотал, предвкушая грядущее могущество. Можно понять, почему – мало кто осознает свое подлинное предназначение в столь юном возрасте. Я, собственно, так толком и не понял, что именно со мной случилось. Зато твердо уяснил, что нет ничего лучше, чем охотиться за знанием – превращать пустые, в сущности, слова в осмысленные, эффективные действия. И тогда же решил, что вот этим и хочу заниматься всю жизнь: рыться в книгах, выуживать оттуда чужие секреты, а потом творить чудеса. Строго говоря, именно так я теперь и живу, хотя мои пути к знанию зачастую оказывались круглыми, чтобы не сказать – причудливыми.

Но вернемся к моему детству. Я провел в отцовском доме почти три дюжины лет. Мы довольно долго живем и относительно медленно взрослеем; прежде я принимал это как должное, теперь же, узнав со слов сэра Макса, что бывает иначе, полагаю, что это – великое благо. Я имею в виду не только и даже не столько долголетие, сколько неспешное взросление. Мне-то всегда казалось, что детство мое закончилось слишком быстро, а оказывается, бывает много хуже – какая-то жалкая дюжина лет, и все.

Мое персональное «и все» означало, что пришло время поступать в Орден Дырявой Чаши. Я всегда знал, что однажды это случится, усвоил сей факт чуть ли не раньше, чем выучил собственное имя. Когда человек вырастает, ему начинают сниться сны про любовь, становится очень трудно летать, меняются голос и походка, а потом ему стригут волосы и делают Орденским послушником, так уж все устроено в природе, хотеть, или не хотеть этих перемен бессмысленно, все равно они наступят. Уж на что отец меня баловал, но в этом вопросе он не оставил мне не то что выбора, но даже шанса задуматься о теоретической возможности такового. С ним в свое время поступили так же, и, думаю, ему просто в голову не приходило, что человек должен повиноваться скорее призванию, чем семейной традиции. Ну и мне, соответственно, никто этого не объяснил. Поэтому, когда в один прекрасный день отец велел мне готовиться к отъезду, я лишь поинтересовался, могу ли забрать с собой нужные книги. Выяснив, что это бессмысленно, поскольку Орденская библиотека превосходит нашу домашнюю, и все члены Ордена, независимо от возраста и званий могут читать столько книг, сколько захотят, я решил, что мне выпала завидная участь, приободрился и отправился собираться.

Отец, разумеется, рассчитывал, что я произведу изрядное впечатление на Орденское начальство, но эффект превзошел его самые смелые ожидания. Я был сущим дикарем и выглядел, надо думать, соответственно – долговязый, тощий, взъерошенный мальчишка, да еще и с ручной лисой на невидимом поводке. При этом моя обширная, хоть и бессистемная начи-

танность сразу бросалась в глаза собеседникам, а скверные манеры избалованного ребенка пришлось как нельзя более ко двору: храбрость, нахальство и высокомерие ценились в те времена превыше иных доблестей. С Великим Магистром Ордена Дырявой Чаши я поначалу говорил как с дворецким, которому не сегодня-завтра прикажут убираться вон; несколько лет спустя отец рассказал мне, что старик был совершенно очарован, хоть и не преминул тут же поставить меня на место. Помню, мне совершенно не понравилось, когда Великий Магистр превратил меня в дырявый половик – совсем ненадолго, и больно мне не было, но худшего унижения я не испытывал никогда в жизни. Когда он вернул мне первоначальный облик, я ничего не стал предпринимать, даже рассердиться по-настоящему не сумел, просто стоял в центре приемного зала с разинутым ртом, как распоследний болван – столь велика оказалась моя растерянность.

Заслуженная взбучка была, впрочем, изрядно приправлена похвалами, в этом деле старик мог считаться великим мастером. Мне было чрезвычайно приятно услышать, что моим познаниям могут позавидовать многие Младшие Магистры, дескать, даже неразумно определять столь способного и умелого юношу в послушники, но ничего не поделаешь, порядок есть порядок; впрочем, не беда, это ненадолго, небось и пяти дюжин лет не пройдет, как все уладится, ко всеобщему удовольствию.

Дело кончилось тем, что я простил Великого Магистра. Ну, скажем так, почти простил, то есть решил про себя, что, если он когда-нибудь окажется в моей власти, я не стану его убивать, а только немного попугаю.

Кстати, вот еще любопытный момент. Поскольку речь и манеры выгодно отличали старика от нашего дворецкого, а его могущество произвело на меня просто-таки удручающее впечатление, я начал подозревать, что, возможно, мы с отцом не так уж одиноки в своем безграничном совершенстве. Это было радостное и одновременно неприятное открытие, схожие чувства может испытать бедняк, нашедший чужой кошелек – вмиг разбогател, но при этом обнаружил, что чьи-то карманные расходы втрое превосходят сумму, которую ему удалось скопить за всю долгую жизнь.

Но высокомерия у меня, конечно, не поубавилось. Скорее наоборот. Иначе я уже не умел.

С первого же дня я почувствовал себя в Орденской резиденции как рыба в воде. Здесь оказалось куда интересней, чем дома. И порядки, и атмосфера, и окружение пришлось мне по нраву. Учиться я всегда любил, а укрощать мой нрав никто не собирался. Хвала Магистрам, в Ордене Дырявой Чаши от послушников не требовали ни покорности, ни суровой дисциплины. Напротив, чрезвычайно ценились независимость суждений, своеволие и отчаянность – при условии, что за этим стояли личная сила и эрудиция; слабым и неспособным к наукам у нас приходилось нелегко, обычно они покидали Орден уже после первой дюжины лет обучения.

Спорить со старшими, высказывать свое бесценное мнение по всякому поводу и поступать по велению собственного сердца нам вовсе не возбранялось; другое дело, что Орденское начальство не считало своим долгом ограждать нас от острых языков и колдовских трюков наших наставников. Нарвался – получай, смог достойно ответить – молодец, не смог – ну и виси под потолком пузом кверху, пока о тебе не вспомнят и не соизволят снять под дружный хохот свидетелей. Жаловаться – хоть на сверстников, хоть на учителей – было дозволено, но бесполезно. Любой Старший Магистр был готов с сочувствием выслушать жертву и предложить: «Ну так ответь тем же, в чем проблема? Ах, не умеешь? Учись», – и весь разговор. Впрочем, я выслушал такую отповедь лишь однажды, и сделал надлежащие выводы. А вот на меня жаловались довольно часто, и это являлось предметом моей особой гордости.

Что касается отца, он был совершенно счастлив – я полностью оправдал его надежды. По его словам, женщины Ордена шептались, будто Великий Магистр намерен со временем приблизить меня и воспитать как будущего преемника. Скорее всего, это были досужие сплетни,

или вовсе отцовские выдумки, но я ощущал себя величайшим колдуном всех времен и ходил по коридорам резиденции, не касаясь земли, совсем как в раннем детстве. Жизнь преисполнилась смысла. Я учился интересным и нужным вещам, блистал способностями, коллекционировал одобрителльные замечания наставников и завистливые взгляды сверстников, чьим обществом надменно пренебрегал, предпочитая проводить время с отцовскими товарищами, Младшими Магистрами, которые охотно допускали меня в свой круг – чего ж еще?

Если уж я взялся рассказывать о некоторых обычаях Ордена Дырявой Чаши, следует осветить один, на мой взгляд, чрезвычайно важный аспект нашего обучения. Всякий послушник начинал новую жизнь с хорошей, большой порции питья из дырявой чашки своего наставника. Эффект, думаю, более-менее вам понятен: на какое-то время, обычно пропорциональное количеству выпитого, крепости напитка и некоторым другим факторам, личная сила многократно возрастает, это сопровождается весьма приятными физическими и психическими ощущениями, которые присутствующий здесь сэр Макс обычно называет словом «эйфория». Собственную чашку можно было получить только вместе со званием Младшего Магистра, никак не раньше, но ощутить вкус силы нам давали регулярно. Успешных учеников поощряли чаще, чем прочих, но время от времени возможность испить из дырявой чаши выпадала каждому, это было неотъемлемой частью обучения. Новичок должен был почувствовать, как возрастает его могущество, сколь простыми и доступными становятся немыслимые прежде вещи. При этом нам то и дело напоминали, что в будущем каждый обзаведется собственной посудинкой и сможет пить сколько пожелает, хоть по дюжине раз на день. Такие перспективы, разумеется, понуждали нас к усердной учебе и привязывали к Ордену много крепче, чем торжественные клятвы и тайные обеты. Ради того, чтобы приблизить момент, когда у меня появится чашка, лично я был готов на все – хоть земную твердь зубами насквозь прогрызть, хоть родного отца голыми руками придушить. Хвала Магистрам, этого от меня никто не требовал.

Отец, впрочем, превосходно справился без моей помощи – я хочу сказать, он погиб примерно через пять дюжин лет после моего поступления в Орден, так и не дождавшись возможности увидеть меня в звании Младшего Магистра. Его смерть объявили «трагической» и «загадочной», но толком мне так никто ничего и не объяснил. Мое пылкое воображение рисовало самые невероятные картины; Великий Магистр, который удостоил меня по такому поводу личной аудиенции и долгой душевной беседы, умело подлил масла в огонь моей фантазии. Сейчас, будучи человеком взрослым и многоопытным, я не могу не понимать, что отец, скорее всего, был убит в заурядной трактирной потасовке, какие тогда были в порядке вещей – Младшие Магистры разных Орденов в подпитии кидались друг на друга как бешеные псы, внося, таким образом, свою скромную лепту в создание неповторимой атмосферы Смутных Времен.

Но в ту пору я, разумеется, был совершенно уверен, что отец погиб не просто как герой, но как величайший колдун этого Мира, скажем, в эпицентре какой-нибудь великой бури, порожденной его собственными заклинаниями. Честолюбие мое, таким образом, было удовлетворено, но в кои-то веки этого оказалось недостаточно. По правде сказать, я был совершенно раздавлен. До сих пор я полагал могущественных колдунов бессмертными и ни на миг не сомневался, что уж кто-кто, а мы с отцом будем жить вечно. Выяснилось, что это не так. Я вдруг остался наедине с ужасным, как казалось мне, знанием: в моих жилах течет кровь человека, который умер, а значит, и я тоже смертен. Это потрясло меня гораздо сильнее, чем жалость к мертвому отцу и тоска по нашей с ним дружбе. С раннего детства я старался подражать отцу, охотно перенимал его привычки и манеры, изменяя и приукрашивая их на свой лад, то есть, готовился стать его усовершенствованной копией. И вдруг выяснилось, что мои усилия были напрасны и даже вредны, становиться таким, как отец, – бессмысленно, это *не помогает от смерти*, скорее уж наоборот, приближает ее.

При этом нельзя сказать, что я боялся смерти. Умереть, казалось мне, попросту стыдно, смерть – удел никчемных слабаков. Меня до глубины души возмущало, что отец *не избежал общей судьбы*. И словно бы завещал мне сию незавидную участь. Смириться с этим я никак не мог.

В панике я принялся спешно избавляться от нежелательного наследства. Переменил цвет волос и походку, перестал ухмыляться по всякому поводу и постоянно задирать окружающих, зато завел привычку глядеть исподлобья, чего за отцом никогда не водилось. Но вера в собственное бессмертие ко мне так и не вернулась. Я всегда, даже в юности был недостаточно прост, чтобы стать счастливым и безмятежным, в этом, наверное, все дело.

Кроме всего, я понял, что совершил роковую ошибку, поступив в Орден Дырявой Чаши. Отец состоял в Ордене долгие годы – и что толку? Научили его здесь, как избежать смерти? То-то и оно.

Обдумав все это как следует, я потребовал встречи с Великим Магистром, выступил перед ним с пламенной речью, в финале которой торжественно объявил, что намерен покинуть Орден. Я был уверен, что за такую дерзость меня немедленно вышвырнут на улицу, и я смогу с чистой совестью заняться поисками более подходящего Ордена для продолжения обучения, но не тут-то было. Вместо заслуженного нагоняя я получил сочувственную, хоть и снисходительную улыбку, а в придачу несколько смутных, но обнадеживающих намеков: дескать, секрет бессмертия – одна из немногих великих тайн, предназначенных лишь для избранных членов Ордена, к числу которых я, несомненно, присоединюсь несколько позже, если, конечно, буду усердно работать над собой. Что касается моего отца, он был прекрасным человеком и могущественным колдуном, но, к сожалению, уделял слишком мало внимания делам Ордена – и вот печальные последствия его легкомыслия!

В тот момент я почти поверил Великому Магистру, поскольку очень хотел ему поверить. Старик хвалил мои способности и практически посулил когда-нибудь указать путь к бессмертию – чего ж мне еще? К тому же я покинул его кабинет без пяти минут Младшим Магистром – в отличие от бессмертия, это мне было обещано твердо и без обиняков.

Таким образом, дела мои устроились как нельзя лучше. Уже через несколько дней после знаменательной беседы я распростился с одеждами послушника и получил в полное распоряжение собственную дырявую чашку. Проблема в том, что я хотел гораздо большего.

Ожидание казалось мне унижительным и, к тому же, опасным. Учиться пустякам, заниматься текущими делами Ордена и смиренно ждать, когда начальство соизволит допустить меня к великим тайнам – это было не по мне. Глупо и неосмотрительно терять время, когда одна смерть дышит тебе в затылок, а другая дремлет под сердцем, как младенец в материнской утробе – примерно так я в ту пору думал. Поэтому я решил искать секрет бессмертия самостоятельно.

К моим услугам была огромная Орденская библиотека и несколько совершенно свихнувшихся древних ведьм – старейшие женщины Ордена Дырявой Чаши очень меня любили и охотно одаривали беседами, которые, как я сейчас понимаю, могли бы свести с ума и более крепкого человека. Мои товарищи пустили слух, будто старухи учат меня древнему искусству любви, и посмеивались у меня за спиной – открыто задевать меня никто не решался. Искусству любви я выучился много раньше и в совсем иной компании, но тут рассудил, что глупые сплетни – наилучшие стражи для моих секретов, а потому не пытался их оспорить и лишь пожимал плечами в ответ на осторожные расспросы. Если бы кому-нибудь из любопытствующих удалось подслушать мои беседы с женщинами Ордена, они были бы, мягко говоря, озадачены. Мы говорили о смерти, и больше ни о чем. Разговоры на иную тему я объявлял пустой болтовней и пресекал незамедлительно, ничуть не смущаясь возрастом и авторитетом собеседниц.

В конце концов, мне удалось выудить из потока невнятных сведений о древних Орденах и деталях загробного быта названия нескольких малоизвестных старинных рукописей, которые могли бы быть мне полезны. Одного, самого важного, как мне сказали, тома не оказалось в нашей библиотеке, но это, разумеется, не могло меня остановить. Смутные Времена уже были в самом разгаре, и все развлекались как могли. Поэтому никто особо не удивился, когда в один прекрасный день компания изрядно подвыпивших Старших и Младших Магистров Ордена Дырявой Чаши вломилась в резиденцию Ордена Решеток и Зеркал и устроила там развеселую драку. Ясно, что инициатором этой заварухи и единственным более-менее трезвым человеком в компании был я. Мне всего-то и требовалось, что на несколько минут оказаться в библиотечном хранилище, где, по моим сведениям, находилась нужная книга. Свара, затеянная для прикрытия кражи, унесла пару дюжин жизней и окончательно рассорила наши Ордена, но сам я выбрался целым и невредимым, с царапиной на носу и вождленным фолиантом за пазухой. Был совершенно окрылен успехом и считал себя победителем, хотя, строго говоря, хвататься было нечем, из резиденции Ордена Решеток и Зеркал нас в конечном итоге вышвырнули, и правильно сделали – убить нас было весьма непросто, а призвать к порядку и вовсе невозможно.

Хорошо, кстати, что Королевская библиотека в ту пору представляла собой весьма жалкое зрелище, потому что я, в случае чего, не задумываясь отправился бы штурмовать крепость Холоми, бывшую в ту пору Королевской Резиденцией, и кто знает, к каким последствиям это могло бы привести. А так обошлось.

Дома я получил строжайший выговор и неофициальную благодарность нашего Великого Магистра – во-первых, он с младых ногтей недолюбливал некоторые пункты устава Ордена Решеток и Зеркал, а во-вторых, на пути к библиотеке я ухитрился почти случайно зашибить пару могущественных колдунов с безупречной репутацией – скорее везение, чем заслуга. Но такие вещи у нас очень ценились. В финале беседы Великий Магистр велел мне беречь себя и копить силу – дескать, настоящие битвы еще впереди. Я сделал вид, будто послушался доброго совета, заперся в своей комнате и засел за книги. Бессмертие, казалось мне, – вот оно, на расстоянии вытянутой руки, и скоро будет моим.

Не стану утомлять вас подробным отчетом о моих достижениях и разочарованиях. Скажу лишь, что корпел над книгами без малого три года, не отвлекаясь на прочие дела, благо звание Младшего Магистра не давало права командовать, зато практически освобождало от необходимости подчиняться и отчитываться о своих действиях.

Мои приятели полагали, что я нашел более чем странный способ распорядиться обретенной свободой, но я так и не научился интересоваться мнением окружающих, лишь удивлялся порой, что эти болваны не становятся в очередь, чтобы вылизать мои сапоги – пока не поздно, то есть, пока я еще молод, великодушен и готов к столь близким отношениям с людьми. Мне казалось, что вскоре, то есть, когда я обрету настоящее могущество, от нынешнего мягкосердия не останется и следа. Удивительно сейчас вспоминать, каким я был молодым дураком, но справедливости ради следует сказать, что мои взгляды не были из ряда вон выходящими. В Смутные Времена юных колдунов с подобным мироощущением было предостаточно; другое дело, что у меня были некоторые основания полагать себя чем-то исключительным, помноженные на врожденный талант впадать в крайности, о чем бы ни шла речь.

Но вернемся к моим занятиям. Я так и не обнаружил в книгах секрета бессмертия, зато открыл для себя древнюю науку воскрешения покойников и счел, что для начала это неплохо. Выучившись побеждать чужую смерть, можно получить власть над собственной – так я себе это представлял. И работал как проклятый.

Когда я наконец решил, что пришло время опробовать теоретические знания на практике, у меня под рукой, как назло, не оказалось ни единого свежего покойника. Недолго

думая, я подозвал своего лиса, который к тому времени не только вырос, но и благополучно состарился. Воспользовавшись Безмолвной Речью, к которой обычно прибегал для общения со своим питомцем, я объяснил, что собираюсь сделать – убить его, а потом воскресить. Сказал, так надо. Лис понял меня, как понимал всегда, и согласился с моим решением. Его доверие ко мне не знало границ, мы с ним были *одна стая*, поэтому зверь не сопротивлялся, когда я сомкнул пальцы на его горле. Я, разумеется, был совершенно уверен, что несколько часов спустя верну ему жизнь. И думать не желал о возможной неудаче, в противном случае я бы все-таки дал себе труд выйти на улицу и убить кого-нибудь из прохожих. Не то чтобы такое поведение уже повсеместно считалось нормой, но в противоречие с моими нравственными принципами оно не вступало.

Но я, повторяю, ни на миг не сомневался в успехе.

Прикончив лиса, я тут же взялся за дело. Твердой рукой чертил на его брюхе и затылке колдовские знаки, нараспев читал самое длинное из когда-либо попадавшихся мне заклинаний – два с половиной часа без перерыва, и лучше даже не думать о том, что будет, если запнешься, или сфальшивишь. Но я был неплохо подготовлен, и показал себя с наилучшей стороны. В должный момент мой старый друг дернулся и открыл глаза. Я ликовал.

Пару часов спустя я понемногу начал беспокоиться. Воскрешенный лис вел себя как-то слишком уж вяло. Лежал там, где я его оставил, время от времени ритмично мотал хвостом и вертел головой, но совершенно не обращал внимания на миску с едой, которую я сунул ему под нос, а это было совсем на него не похоже.

Я провел рядом с ним бессонную ночь, в надежде, что рано или поздно лис оправится и продемонстрирует свои былые повадки. На рассвете я поднял зверя на руки и поразился тяжести и холоду его тела. Но я не сдавался, тискал его и тормошил, чтобы согреть. Наконец взял его под одеяло, обнял, прижал к себе, заглянул в глаза – и обмер.

Это были мертвые глаза мертвого животного, и ничего больше. Я бы и раньше мог это заметить, просто очень уж не хотел замечать. Но тут пришлось признать очевидное. Заклинания вовсе не вернули лису жизнь, они просто заставили труп шевелиться, моргать и подражать повадкам живого существа, не более того.

Таким образом, я впервые в жизни потерпел разгромное поражение. Сказать, что я был раздавлен – не сказать ничего.

Я поспешно уничтожил мертвое существо, в которое по моей милости превратился лис, и провел несколько суток в мучительных попытках понять, где я ошибся. Еще трижды читал заклинание над трупами, на сей раз, человеческими – все с тем же результатом. Воскрешенные мною мертвецы энергично передвигались по комнате и даже издавали вполне обнадеживающие, я имею в виду членораздельные звуки, однако склонять их к беседам я не стал. Уж на что я был в ту пору храбр и безрассуден, но слушать, что станут рассказывать воскрешенные покойники, не хотел, да и в глаза им больше не заглядывал. Лиса с меня хватило.

Наконец я окончательно убедился, что исполняю ритуал безупречно, и был вынужден признать, что совершил ошибку гораздо раньше, когда в первый раз читал и истолковывал древний текст. Неизвестный автор книги обещал, что заклинание *расшевелит* любого мертвеца, вольно же мне было думать, будто «расшевелить» – это то же самое, что «вернуть к жизни».

Короче говоря, сам виноват.

Я устыдился и дал себе слово больше никогда не выдавать желаемое за действительное, но не учел, что у меня вряд ли хватит мудрости отличить одно от другого. Проще всего вовсе не иметь «желаемого», я имею в виду, ничего не хотеть, но это, по правде сказать, не так давно стало мне понятно, а подсказывать самому себе, высунувшись по пояс в прошлое, как в распахнутое окно, я не умею, и вообще, кажется, никто.

Утратив надежду отыскать в древних рукописях секрет бессмертия, я сказал себе, что неправильно расставил приоритеты. Сейчас самое главное для меня – личная сила, а тайные знания как-нибудь потом сами приложатся, Орденская библиотека, небось, не сгорит, а если и сгорит, найдутся в Соединенном Королевстве другие книгохранилища. В действительности, думал я, если быть самым могущественным колдуном этого Мира, никто не сможет меня убить – это прежде всего. Строго говоря, только это и требуется, потому что справиться со старостью и болезнями – дело нехитрое, мало ли, что наш Великий Магистр этого, кажется, не умеет, зато некоторые другие точно умеют, а значит, и я научусь. Но с этим как раз можно не спешить, время пока есть, я молод, даже слишком, а вот могущество мне требуется как можно скорее, срочно, немедленно вот прямо сейчас, а лучше бы – позавчера.

У меня было, по крайней мере, одно несомненное достоинство: приняв решение, я тут же начинал действовать, не откладывая на потом, не дожидаясь благоприятных обстоятельств, даже краткой передышки себе не позволяя. Я избавился от печальных последствий своих экспериментов, вызвал прислугу, чтобы прибрали в комнате, а сам отправился в ванную – думать. Лучше всего мне всегда думалось под водой, не знаю уж почему – хлеххелов⁴ в нашем роду, насколько мне известно, не было.

Вариантов нашлось не так уж много. Из книг я знал, что самый простой способ преумножить силу – напиться крови другого колдуна. Тут имелось одно существенное неудобство: пить кровь, согласно древнему ритуалу, следовало только с согласия и, более того, искреннего одобрения ее владельца, иначе – никакого толку. А рядом со мной не было ни единого маломальски могущественного существа, готового поделиться кровью, так что этот путь пришлось отменить сразу.

Еще в некоторых старинных рукописях я читал, что обладателя великой силы можно просто убить и съесть, желательно целиком – хлопотно, конечно, и утомительно, даже для человека с отменным аппетитом не самая простая задача, зато не нужно спрашивать разрешения. Но по здравому размышлению я понял, что убить по-настоящему могущественного колдуна мне, пожалуй, пока не по плечу. А тех, кого я смогу убить, есть совершенно бессмысленно, возможно даже вредно для здоровья.

Если не ошибаюсь, в сходных случаях сэр Макс говорит: «порочный круг». Не уверен, что правильно понимаю смысл этого фразеологического оборота, но интуитивно чувствую, что к описанной ситуации он подходит как нельзя лучше.

Я, конечно, не сдался. Лежал на дне бассейна, вспоминал, что еще я знаю о способах быстро увеличить личную силу, пока меня наконец не осенило: зачем что-то искать и, тем более, кого-то жрать, когда превосходное хранилище безграничного могущества находится у меня под самым носом.

Я говорю об Орденских дырявых аквариумах и, конечно же, тут требуется дополнительное разъяснение, поскольку лично мне больше не доводилось встречать ничего подобного – ни в жизни, ни даже в книгах.

Постараюсь рассказать коротко, но все же по порядку. Орденские послушники, как я уже говорил, лишь время от времени получали порцию питья из дырявых чашек своих наставников. Это делось не только из педагогических соображений, но еще и потому, что, по мнению основателей Ордена – и тут они были совершенно правы – увеличивать личное могущество следовало постепенно. Младшие Магистры получали дырявые чашки в полное распоряжение – считалось, что к этому моменту человек уже способен понять, в каких случаях следует из них

⁴ *Хлеххелы* – исконные обитатели материка Хонхона, обладающие способностью, а, согласно некоторым источникам, даже потребностью проводить много времени под водой. Сейчас в Ехо проживает несколько семей хлеххелов; по специальному приказу Короля им выделили просторные участки на берегу Хуруна, чтобы они могли построить дома по старинному обычаю, с большим подводным этажом.

пить, а когда лучше воздержаться. Зато наши Старшие Магистры пили только из дырявой посуды – даже воду и камру, – но этим дело не ограничивалось. Каждый день они получали на обед блюдо из рыбы, которую перед этим подолгу содержали в дырявых аквариумах; некоторые, самые старые, не ели вообще ничего, кроме этой рыбы – такая диета помогала им подолгу сохранять здоровье и преумножать могущество даже в том возрасте, когда другие колдуны неизбежно начинают его терять. Вода в наших дырявых аквариумах считалась воистину чудодейственной, наши знахари давали ее больным или раненым, маленькими порциями, примерно по столовой ложке, и те исцелялись в кратчайшие сроки. Всем остальным пить воду из дырявых аквариумов было строго-настрого запрещено. Нам объясняли, что человек не способен справиться с таким невероятным могуществом, я же был глубоко убежден, что Орденские старейшины просто боятся конкуренции. Ходили слухи, будто наш Великий Магистр ежедневно черпает полную кружку из самого большого аквариума. Неудивительно, что он не желает ни с кем делиться, думал я. На его месте я бы и сам хитрил. А все эти разговоры о том, что человек, дескать, не способен справиться с могуществом – не хитрость даже, а детский лепет. Слушать смешно. Удивительно, что находятся дурни, которые этому верят, а ведь их великое множество. Но я-то, хвала Магистрам, не таков.

Дело было за малым: перехитрить всех Орденских хитрецов. Я не сомневался, что это мне под силу.

Получить доступ к дырявым аквариумам – я имею в виду, просто так взять да и зайти в зал, где они размещались – было совершенно невозможно. Вход охранялся при помощи столь могущественных заклинаний, что даже пробовать одолеть их не имело смысла. Все равно что с голыми руками против трех дюжин Старших Магистров выходить. Я, конечно, был молодым, самоуверенным болваном, но все же не конченным безумцем. Тогда еще нет.

Приближаться к аквариумам могли всего несколько человек. Великий Магистр, некоторые старейшие женщины Ордена и дежурный Мастер Рыбник, попросту говоря – обслуга, в чьи обязанности входило кормить и отлавливать рыб, ухаживать за водными растениями, содержать в идеальной чистоте помещение, а также по распоряжению начальства выдавать порции воды знахарям и другим нуждающимся.

Ясно было, что если я хочу добраться до аквариумов, мне придется стать одним из Мастеров Рыбников – по крайней мере, это было гораздо проще, чем в кратчайшие сроки сделаться Великим Магистром, или, тем паче, одной из старейших женщин.

Изобрести план, который мне самому казался гениальным, было несложно, зато для его реализации пришлось потрудиться.

Для начала я выяснил, что Мастеров Рыбников у нас в Ордене – ровно дюжина. Это число оставалось неизменным уже много столетий, зато состав время от времени обновлялся. Обязанность, конечно, кто бы спорил, почетная, но чрезвычайно хлопотная. И мне предстояло узнать, в чем, собственно, заключаются хлопоты. Подробности интересовали меня чрезвычайно. Я был готов на великие жертвы, но, скажем, мыть пол без применения магии – то есть, взяв в руки мокрую тряпку – не согласился бы даже ради короны, которая мне, уж точно, не светила – по крайней мере, не в ближайшее время.

Тем же вечером я ужинал в обществе одного из Рыбников, Старшего Магистра Йотти Енки. Добиться его расположения не составило труда. Позволю себе заметить, что обладать тяжелым нравом и скверной репутацией чрезвычайно удобно. Люди искренне благодарны тебе уже за то, что ты не вытираешь о них ноги. Ну а любое, самое сдержанное, проявление дружелюбия и вовсе творит чудеса. Это объясняет, почему опытный и заслуженный Старший Магистр с радостью принял приглашение вчерашнего послушника. В конце концов, он стал первым, кому я по собственной инициативе предложил совместную трапезу, и это его тронуло. Сэр Йотти Енки был чрезвычайно горд тем, что я не сумел устоять именно перед его обаянием.

Вот ведь как получается. Я всегда полагал, что не люблю рассказывать, особенно о себе, а теперь сам удивляюсь тому, с каким удовольствием вспоминаю и излагаю незначительные, в сущности, детали. Взять хотя бы этот ужин – событие, казалось бы, не слишком интересное, ни особого, тайного смысла, ни даже драматической глубины в нем нет. Об обязанностях Мастера Рыбника мне мог рассказать кто угодно, это не было секретом, я бы и сам все давным-давно знал, если бы интересовался хоть чем-то кроме себя и своих дел. Наш разговор ничего не изменил в моей жизни и, уж тем более, вовсе не он предопределил дальнейшие события. Однако я едва справляюсь с желанием подробно перечислить, что мы с Магистром Енки ели и пили в тот вечер у Толстой Арры, вспомнить, как мы были одеты, какими новостями обменивались прежде, чем перешли к делу, и, если уж на то пошло, посетовать, что хатта полохрийски была безобразно пересушена, а я, вопреки обыкновению, не только не убил на месте повара, но даже замечания хозяйке не сделал, поскольку был поглощен беседой.

Но все же от этих и великого множества других подробностей я вас избавлю.

Подводя итог, скажу, что узнал следующее. Мастера Рыбники состояли при аквариумах по очереди, раз в дюжину дней. Дежурили, как несложно догадаться, разделив число занимающих эту должность Магистров на количество дней, в одиночку.

В день дежурства Мастер Рыбник не имел права отлучаться от аквариумов, что бы ни случилось, даже если все остальные члены Ордена внезапно отправятся штурмовать вражескую резиденцию, или, напротив, сами подвергнутся атаке. Работа, на первый взгляд, была совсем простой, а поддерживать чистоту в помещении полагалось, хвала Магистрам, при помощи заклинаний, а не грязных тряпок; прояснив этот момент, я испытал неопишное облегчение.

Казалось бы, со всем этим легко могли справиться послушники, однако на должность Мастера Рыбника даже Младших Магистров не назначали, поскольку именно личная сила и железная воля дежурного принуждали воду оставаться в дырявых сосудах вместо того, чтобы вылиться на пол. В собственной дырявой чашке, конечно, кто угодно воду удержит, невелика премудрость, но несколько огромных аквариумов, да еще и на протяжении суток – совсем другое дело.

Я, разумеется, ни на миг не сомневался, что это мне по плечу. И, конечно, заранее предвкушал, как присоединюсь к числу избранных, которых еще нынче утром считал жалкой прислугой, как и всех остальных, кому приходилось работать ради денег.

Этот тонкий момент, наверное, тоже следует прояснить. Все члены нашего Ордена, включая послушников, бесплатно получали в его резиденции комнату и ванную с полудюжиной бассейнов, еду, одежду, книги, драгоценные камни для талисманов и другие жизненно важные вещи – в небезграничном, но достаточном количестве. Все остальное, начиная от выпивки в трактире и заканчивая загородными виллами, приходилось покупать за свои деньги. Богачи вроде меня были совершенно довольны таким положением дел, прочим же Орден охотно предоставлял возможность заработать. За исполнение разного рода обязанностей платили жалование, и весьма неплохое. С этой точки зрения я был самым нежелательным кандидатом на место Мастера Рыбника. Унаследовав отцовское состояние, я стал одним из самых богатых людей в Ордене; в такой ситуации претендовать на высокооплачиваемую должность – все равно что у голодного изо рта пирог вытаскивать. К счастью или, напротив, к несчастью, такой поступок совершенно не противоречил моим принципам. Не то чтобы я считал своим долгом каждодневно увеличивать число бедняков, просто чужие рты, равно как и пироги, вообще не входили в число вещей, заслуживающих моего внимания.

Однако я прекрасно понимал, что никто не захочет добровольно отказываться от кормушки ради того, чтобы освободить мне место. Избавиться от одного из нынешних Мастеров Рыбников при помощи интриг, заклинаний, ядов или кинжалов представлялось мне делом осуществимым, но слишком хлопотным. К тому же где гарантия, что на освободившееся место возьмут именно меня, а не одного из заслуженных Орденских олухов, который уже много лет

ждет возможности подзаработать? Поэтому я прямо сказал Магистру Енки, что хочу выкупить у него должность. Он сперва удивился, потом заартачился, но, когда я объявил, что готов ради такого дела расстаться с тысячей корон, глаза моего коллеги засияли от алчности. Чтобы вы понимали, о сколь серьезной сумме идет речь, замечу, что это была примерно половина стоимости отцовского дома и прилегающих к нему земель. Против таких денег мало кто устоял бы, поэтому не следует строго судить Йотти Енки, которого с этой минуты волновала только организационная часть вопроса: как передать мне должность, если решения обо всех назначениях и отставках принимает Орденское начальство? Я снисходительно пообещал, что возьму это на себя. От него требуется только подать прошение об отставке, когда я скажу, что пришла пора это сделать.

На том и порешили.

На следующий день я официально просил Великого Магистра об аудиенции; просьба моя была удовлетворена незамедлительно, даже обычного ритуального получаса в приемной не пришлось сидеть.

Я не стал ходить вокруг да около, а сразу, с порога, объявил, что желаю немедленно стать Мастером Рыбником. Говорил так, словно замыслил великое благодеяние. Ну как же, я – я! – собираюсь работать для общей пользы. Можно начинать кланяться.

Поэтому я искренне удивился, когда Великий Магистр озадаченно покачал головой и вместо того, чтобы в пляс пуститься на радостях, погрузился в размышления. Но ничего не попишешь, пришлось стоять и терпеливо ждать его решения. Я был так разочарован, что даже забыл рассердиться.

Наконец старик прервал молчание и спросил: «Зачем тебе?»

Я был вынужден констатировать, что восторга в связи с моей внезапной готовностью посвятить себя тяжелому труду на благо Ордена он явно не испытывает. Такая неблагодарность меня, можно сказать, подкосила. Но провалить эту часть плана было никак нельзя, поэтому я пустился в объяснения. Дескать, хочу приносить Ордену больше практической пользы, поскольку чрезвычайно благодарен за... – ну, понятно, что говорят в таких случаях.

Великий Магистр лишь досадливо отмахнулся. Ну, еще бы. Усвоенная в детстве привычка считать окружающих доверчивыми идиотами все же не раз меня подводила. Как и следовало ожидать, старик неплохо разбирался в людях и не мог не понимать, что в моих устах речи о благодарности и пользе звучат, мягко говоря, довольно необычно и не слишком правдоподобно.

Я понял, что мне не верят, и нужно срочно придумывать новые аргументы – не правду же ему рассказывать. Проблема состояла в том, что лгать я так толком и не выучился: нужды до сих пор не было. Люди обычно прибегают ко лжи, когда хотят избежать наказания, или получить желаемое. Меня никогда не наказывали, а желаемое я получал незамедлительно или же брал сам, никого не спрашивая, в зависимости от обстоятельств. Поэтому я оказался плохо подготовлен к важнейшему, как мне тогда казалось, разговору в моей жизни.

Чтобы не молчать, я принялся говорить, что беспокоюсь о своей карьере – вот, дескать, отец никогда не работал для Ордена, поскольку был богат, и проходил в Младших Магистрах до самой смерти, не хотелось бы повторить его ошибку.

«Это уже больше похоже на правду, – кивнул Великий Магистр. – Но это не вся правда. Почему ты выбрал именно эту должность? У нас в Ордене достаточно другой работы, в том числе куда более почетной и интересной».

Если бы к тому моменту я успел познакомиться с сэром Максом и послушаться историй о причудливых религиозных верованиях его соотечественников, я бы непременно пожелал дотошному старцу провалиться в преисподнюю. А так пришлось довольствоваться несколькими древними проклятиями, которые вычитал в книгах. Увы, для того, чтобы они подействовали, необходимо ругаться вслух, а я пока не мог позволить себе такую роскошь.

Пришлось импровизировать. Я стал многословно объяснять, что продумал все до мельчайших деталей. Дескать, во-первых, работа Рыбника отнимает всего один день из дюжины – это очень важно, поскольку мне по-прежнему требуется много свободного времени для занятий. Во-вторых, эта работа поможет мне развивать и совершенствовать свои способности. А в третьих – тут я выложил свой главный козырь, не припасенный заранее, а придуманный на ходу, но оттого не менее убедительный, – я знаю, что на эту должность никогда не назначают Младших Магистров. А я рожден для того, чтобы стать исключением из всех мыслимых правил, поэтому должность Мастера Рыбника – именно то, что требуется. Для начала.

Вот на этом месте Великий Магистр мне поверил. Такие аргументы прекрасно вписывались в его картину мира, то есть полностью соответствовали его представлениям о моем характере.

Словом, мне удалось выкрутиться, но подписывать приказ о моем немедленном назначении старик вовсе не спешил. Вместо этого он принялся объяснять, что работу Мастера Рыбника нельзя назвать увлекательной, к тому же она требует серьезной предварительной подготовки. Дескать, личное могущество и глубокие теоретические познания – это одно, а умение – совсем другое. Без соответствующих навыков никто не сможет подолгу удерживать воду в дырявом аквариуме, тем более – в нескольких. Это вам не с собственной чашкой управляться – ну и все в таком духе.

Но я твердо стоял на своем.

К этому моменту я уже почти забыл о настоящей цели, ради достижения которой нужно было добраться до этих грешных аквариумов. Меня разобрал азарт. Я полагал, что уже вложил в это дело *слишком много себя*. Я всегда был скуп, если речь заходила о моем времени и внимании, поэтому долгий ужин с Йотти Енки и изматывающая беседа с Великим Магистром казались мне нешуточной жертвой. Отступить было решительно невозможно. Или я получу эту должность, или пусть Мир рухнет вот прямо сейчас, прежде чем я успею узнать, что проиграл – такова была моя бесхитростная позиция по этому вопросу.

Забегая вперед, скажу, что Мир, насколько мне известно, так толком и не рухнул, зато Великий Магистр сдался, не выдержав моего напора.

Мне, впрочем, пришлось пойти на значительные уступки. Как ни крути, а сперва предстояло потратить кучу времени на обучение. Убедить меня в том, что это не начальственная блажь, а насущная необходимость, оказалось проще простого: Великий Магистр отвел меня в собственную ванную, где продемонстрировал дюжину великолепных бассейнов и одно бездонное – точнее, дырявое – корыто, где он обычно плескался по утрам для поддержания здоровья. Наполнил корыто водой и тут же вышел вон, оставив меня наедине с негодным вместилищем влаги, которое немедленно начало протекать. Я опешил. Одно дело – высокомерно полагать, что справишься с любым количеством дырявых лоханок и совсем другое – удерживать воду в одном-единственном огромном корыте. Хуже всего, что я не знал, как подступиться к этому делу. Поэтому почти инстинктивно обхватил корыто руками, как будто оно было огромной, не по росту, но все-таки чашкой – а что мне еще оставалось? На помощь мне тут же пришли все условные рефлексy, выработавшиеся за долгие годы обращения с дырявой посудой. Вода перестала вытекать, я самодовольно ухмыльнулся. Дескать, так и знал, ничего особенного тут нет, нужно только привыкнуть к новому размеру и форме сосуда.

Четверть часа спустя я переменял мнение. Удерживать воду в проклятом корыте оказалось самой тяжелой работой, какую мне когда-либо доводилось выполнять. Это требовало полной концентрации и самоотдачи, предельного напряжения сознания и мышц – то есть на самом деле мышечные усилия тут, конечно, не требовались, но я чувствовал, что не справляюсь, вот и помогал себе всем телом, как умел. Сказать, что с меня семь потов сошло, – не сказать ничего. Тем не менее, я знал, что скорее умру, чем сдамся. И предполагал, что такой исход вполне вероятен, поскольку силы человеческие – даже мои! – безграничны.

Еще через несколько минут Великий Магистр заглянул в ванную, заинтригованный наступившей тишиной. Он-то, не сомневаюсь, ждал потопа и моей позорной капитуляции. Но не дождался, не дотянул паузу. Открывшееся его взору зрелище, надо думать, потрясло старика до глубины души. Во всяком случае, он довольно долго молча меня разглядывал – вместо того чтобы сразу броситься на помощь. Наконец сказал: «Вообще-то, это делается не совсем так», – принял на себя управление корытом и заодно преподал мне первый урок.

Как я умудрился задержать воду в огромном дырявом корыте без необходимых заклинаний, одной только силой собственного упрямства – этого я до сих пор не понимаю. Ну, скажем так, не могу внятно объяснить. И повторить, пожалуй, не возьмусь – даже сейчас.

Великий Магистр косился на меня с уважительным удивлением и, кажется, тоже ничего толком не понимал. Но расстановка сил, конечно, изменилась. Старик сказал, что из человека, который без всякой подготовки управился с дырявым корытом, как с собственной чашкой, несомненно, выйдет прекрасный Мастер Рыбник. И вызвался лично давать мне уроки – теперь-то я и сам понимал, что без специального обучения тут не обойтись, поэтому возражать не стал. Кроме всего, мне было чрезвычайно приятно его внимание. Не сказать чтобы я, подобно прочим Младшим Магистрам, преклонялся перед могущественным старцем, но всем в Ордене было известно, что учеников он уже давно не берет. Выходит, я в очередной раз стал исключением из правил, и это было приятно.

Обучение мое, вопреки ожиданиям, заняло больше года. Не то чтобы я оказался таким уж тупицей, да и науку особо сложной не назовешь, просто мой учитель никуда не спешил. Иногда он бывал очень занят или просто ленился, и перерывы между нашими уроками тянулись по дюжине дней, я на стену лез от нетерпения. Однако приходилось смириться с тем, что моя подготовка, мягко говоря, не самое главное дело жизни Великого Магистра. Это было не слишком приятно и вряд ли улучшило мой характер, но я все же как-то держал себя в руках.

Наконец Великий Магистр объявил, что я вполне готов. Дескать, дело за малым – дожждаться, когда один из Мастеров Рыбников пожелает заняться чем-нибудь другим, и для меня освободится место. Думаю, он вложил в это высказывание весь свой запас иронии: общеизвестно, что от доходных мест, вроде этого, отказываются, мягко говоря, не каждый день. Но для меня-то дело действительно было за малым. Я отправился к Магистру Йотти Енки и сообщил, что пришло время завершить сделку. Тот возликовал. До сих пор он, думаю, не слишком верил ни в серьезность моих намерений, ни, тем более, в мои пробивные способности. И почти не надеялся сорвать когда-нибудь обещанный куш.

Правильно, в общем, делал, что не надеялся. Звонких монет он так и не увидел. Не то чтобы я всерьез пожалел тысячу корон – денег я никогда не считал и, по правде сказать, вообще нечасто вспоминал об их существовании. Просто мне показалось, что выполнить обещание – унижительно. А вот обвести старшего товарища вокруг пальца я считал делом чести и чуть ли не нравственным долгом. Все-таки Старший Магистр, не послушник, а значит, какой-никакой, а вызов. В такой ситуации не напасть первому – все равно что сдать без боя, так я тогда думал.

Дождавшись, пока Йотти Енки подаст прошение об отставке, я наложил на него одно немудреное, но малоизвестное заклинание из моей коллекции старинных редкостей, и Старший Магистр попросту забыл о нашем договоре. Думаю, он еще долго спрашивал себя, с какой стати вдруг отказался от такой хлебной должности. Впрочем, дела его устроились как нельзя лучше, в скором времени Йотти Енки стал Мастером Хранителем – попросту говоря, кладовщиком – при Орденских ювелирных мастерских. Это, к слову, помогло ему более-менее спокойно пережить Смутные Времена и вовремя удрать из разваливающейся резиденции с несколькими шкатулками за пазухой. Насколько мне известно, он до сих пор понемногу проедает добычу в своем Ландаландском поместье, в обществе любящей жены и нескольких внуков. То есть жизнь его сложилась весьма удачно, и это, мне кажется, довольно поучительный эпизод. Не так уж плохо время от времени оказываться обманутым, поскольку справедливость

имеет тенденцию восстанавливаться сама по себе, без особых усилий жертвы – вот что я имею в виду.

Впрочем, не стоит отвлекаться. Важно, что Йотти Енки освободил место Мастера Рыбника, а я его занял.

Удивительно тут вот что. Замышляя вышеописанную комбинацию, я предполагал, что воспользуюсь водой из дырявых аквариумов немедленно, как только получу к ним доступ, а на деле осуществил свое намерение далеко не сразу. Нерешительность, хвала Магистрам, никогда не была моим пороком. Однако же факт остается фактом – вместо того, чтобы в первое же дежурство алчно припасть к источнику силы, я исполнял обязанности Мастера Рыбника на протяжении трех с половиной лет и был, надо сказать, на очень хорошем счету. Сам Великий Магистр диву давался и даже – из ряда вон выходящее событие – пригласил меня однажды на дружеский завтрак, в ходе которого признался, что сперва не слишком хотел поручать мне столь ответственную работу, а теперь, дескать, сожалеет лишь об одном – что не приставил меня к аквариумам еще дюжину лет назад. Я выслушал его с удовольствием, но в общем не придал похвалам значения. К тому моменту я больше не считал себя членом Ордена Дырявой Чаши, полагал свои звание и должность пустой формальностью, необходимой пока маскировкой, не более того. Идеи магического братства, собственно, никогда не были мне близки, а последние годы, полные внутренних потрясений и бесконечных вопросов, ответы на которые я искал самостоятельно, тайных поражений и никому не ведомых побед, весьма наглядно показали, что я действительно совершенно один в Мире, сам себе брат и друг, сам себе ученик, сам себе наставник, а все остальные – не в счет. Это в детстве перспектива занять когда-нибудь кресло Великого Магистра Ордена Дырявой Чаши кружила мне голову, а теперь я полагал подобную судьбу слишком заурядной, ради таких пустяков как начальственная мантия я с постели на полчаса раньше подниматься не стал бы, во всяком случае, не в пасмурный день.

Однако именно сейчас я с удовольствием играл роль почтительного ученика, ловкого стратега, удачливого карьериста. Мне было чрезвычайно приятно видеть, как известный своей проницательностью Великий Магистр принимает мое дешевое актерство за чистую монету, радуется, что видит меня насквозь, строит на мой счет далеко идущие планы – и предвкушать, сколь велико будет его разочарование, когда я наконец сделаю свой ход.

Собственно, я потому и тянул так долго, что обнаружил вдруг – нет ничего слаще предвкушения. Только в тот миг, когда все козыри уже на руках, но еще не на столе, игрок может быть счастлив по-настоящему. По сравнению с этим блестящий отыгрыш, заслуженная победа и звон честно выигранных монет – хоть и приятная, а все же суета.

И, конечно, я весьма смутно представлял, что случится со мной после того, как дело будет сделано, и я обрету невиданное могущество, но предполагал, что все изменится, а в первую очередь изменюсь я сам. Возможно, думал я, по-настоящему могущественные колдуны видят мир совершенно иначе и получают удовольствие от совсем других вещей. То есть наверняка все у них не как у людей, и глупо поэтому рассчитывать, что я сам останусь таким, как сейчас. И если так, – говорил я себе, – хорошо бы напоследок перепробовать все обычные человеческие радости и удовольствия. Вряд ли они заслуживают пристального внимания, а все-таки лучше знать, чем не знать, даже если речь идет о сущих пустяках. А личный опыт – великое дело, никакое теоретическое знание с ним не сравнится.

Поэтому я всю наслаждался не только новым для меня состоянием скрученной и готовой в любой миг распрямиться пружины, но и жизнью как таковой. Стал в кои-то веки гурманом и ценителем изысканных вин, обзавелся свитой приятелей и доброй дюжиной возлюбленных, даже читать начал для удовольствия, а не ради новых знаний. К слову сказать, именно тогда я приохотился к поэзии, благо Смутные Времена стали новым золотым веком угуландской литературы. Не зря профессор Королевского Университета Таури Край говорил в одной

из своих знаменитых публичных лекций, что стихи следует поливать кровью, а не слезами и, тем более, не дождевой водой; впрочем, не буду отвлекаться.

Никогда – ни прежде, ни впоследствии – я не жил в столь размеренном и комфортном ритме. Одиннадцать дней кряду посвящал приятным пустякам, вроде чтения, дружеских обедов и любовных свиданий, а на двенадцатый, когда приходило время очередного дежурства при аквариумах, вспоминал о более важных делах. По крайней мере, у меня хватило ума заняться исследованием свойств аквариумов и воды, которую я собирался похитить. Я дегустировал воду на каждом дежурстве, отпивал понемногу, по несколько глотков, любопытства ради черпал ее то обычной посудиною, то собственной дырявой чашкой, или просто пригоршней, внимательно прислушивался к своим ощущениям. В целом они были мне более-менее знакомы, но некоторые нюансы существенно отличались от привычных опытов с личной дырявой посудой. К примеру, я никогда не знал заранее, как изменится мое настроение, и какие именно способности обострятся – с чашкой-то все было вполне предсказуемо. Забегая вперед, скажу, что эти невинные опыты так и не дали мне ни малейшего представления о последствиях предстоящего эксперимента, зато, вероятно, именно они помогли мне выжить. Я имею в виду, что понемногу приучил свое тело к колдовскому питью. Уверен, если бы я опустошил аквариум в первое же дежурство, вы были бы избавлены от необходимости слушать столь скверного рассказчика, а я – от возможности изложить вам свою историю.

Впрочем, я-то вполне доволен текущими обстоятельствами, а вы сами напросились, терпите теперь.

Я мог бы еще долго наслаждаться внезапно открывшимися мне бесхитростными радостями бытия и ставить осторожные опыты с водой из аквариумов; думаю, у меня были кое-какие шансы в конце концов разобраться, что к чему, и даже применить свои открытия на практике, все-таки я к тому моменту обладал немалым опытом самостоятельных исследований. Но в один прекрасный день я понял, что не хочу больше ждать. Проснулся от смутного, но острого недовольства собой и жизнью, открыл глаза, так и не разобравшись, что именно мне не нравится, потянулся за кувшином с камрой и внезапно понял – все, хватит с меня. Ни единого дня больше не желаю терять на размышления, удовольствия и прочую приятную ерунду. Надо немедленно приступать к делу, а хорошо ли я подготовился – разберемся по ходу. Скорее всего, думал я, никакой подготовки вообще не требуется, просто долгая жизнь рядом с другими людьми сделала меня похожим на них, слабым и нерешительным любителем рассуждать, планировать, выжидать, кокетничать с судьбой, строить ей глазки – вместо того, чтобы укладывать ее на лопатки, брать силой, действовать, не откладывая ни на миг, как я поступал в детстве. Ну вот, хвала Магистрам, опомнился, самой страшной опасности счастливо избежал, а теперь – за дело.

До сих пор помню, что утро того рокового, как принято говорить, дня выдалось солнечным, а ветер с Хурона был по-зимнему холоден; неведомый дежурный Магистр Ордена Водяной Вороны победил своих коллег из других Орденов и окрасил небо в изумрудно-зеленый цвет, невиданной белизны облака стремительно отвоевывали пространство у тяжелых, свинцово-серых осенних туч, а в пожухшей садовой траве тут и там валялись круглые, крупные ярко-красные плоды угуландской садовой йокти; они всегда зреют и осыпаются за одну ночь, когда этого никто не ждет – порой в самом начале осени, а иногда – только посреди зимы. Совершенно непредсказуемое дерево, никакого сладу с ним нет, зато азартные люди могут ежегодно заключать пари насчет урожая йокти. Впрочем, все это совершенно неважно. Я просто хотел сказать, что в последний день моей жизни мир был пронзительно красив, и это обстоятельство могло бы до сих пор служить мне оправданием, если бы я нуждался в оправданиях; по счастью, это не так.

Когда я рассказывал свою историю сэру Макс и сообщил, что выпил чудодейственную воду из всех дырявых аквариумов поочередно, он, помню, очень старался быть вежливым и сдерживать смех, но у него не получилось. Поэтому, имейте в виду, я уже имел возможность убедиться, что некоторые драматические эпизоды моей жизни могут показаться стороннему наблюдателю комичными, и это меня совершенно не смущает. Впрочем, я все-таки хочу заметить, что когда пьешь чудодейственную жидкость, каждый глоток которой увеличивает твое могущество, это не слишком похоже на обычное питье. То есть брюхо не надувается, и в уборную бегать не требуется. Все происходит как-то иначе – хотел бы я однажды взглянуть на такой эпизод со стороны, как исследователь, а не деятельный участник.

Осушив примерно с полдюжины чашек, то есть объем, вполне посильный для всякого взрослого человека, я вдруг понял, к чему идет дело, почувствовал, что еще немного, и сила, предназначенная для нескольких дюжин Орденских колдунов, разорвет меня на части. Но я, разумеется, и не подумал останавливаться. В тот миг я твердо знал – тот, кто умирает от переизбытка силы, становится бессмертным, и был готов принять такие условия, даже если грядущее бессмертие окажется не слишком похоже на жизнь.

То есть, по крайней мере, в течение какой-то доли секунды я очень ясно осознавал, на что иду, и был готов нести ответственность за любые последствия. Тем лучше. По крайней мере, этот факт дает мне возможность относиться к мальчику, которым я когда-то был, с известным уважением – несмотря ни на что.

Я продолжил пить воду, глоток за глотком, и вскоре испытал совершенно неописуемое, сокрушительное и сладостное ощущение. Я словно бы взорвался, как снаряд, выпущенный из бабума, а потом наступила тьма. Тело мое при этом, как видите, уцелело – чего не скажешь обо всем остальном.

О том, как я осушил остальные дырявые аквариумы, как шел потом через Орденскую резиденцию, и каменные полы плавилась под моими ногами, как между делом голыми руками изорвал в кровавые клочья нескольких Старших Магистров, попытавшихся мне помешать, я знаю лишь с чужих слов, сам же не помню о тех событиях ничего. Сила, заточенная в дырявых аквариумах, вырвалась на свободу, она использовала мое тело, как более-менее удобный сосуд – о моих собственных интересах, стремлениях и желаниях в ту пору речи не шло. Никакого *меня*, строго говоря, больше не было.

Теоретически именно тут должна была бы начаться самая увлекательная часть моего повествования, но я до сих пор не в силах обуздать и призвать к ответу свою память. Иногда, в состоянии глубокого покоя, испытать который позволяет моя дыхательная гимнастика, или просто во сне, воспоминания накрывают меня, как штормовая волна зазевавшегося пловца. В такие минуты я, можно сказать, заново переживаю некоторые эпизоды из жизни Безумного Рыбника, а все остальное время помню, по большей части, только острое наслаждение, которое доставлял мне каждый вдох, каждый шаг, всякое движение. Это, пожалуй, самый ценный опыт, который я получил в те дни. С тех пор я знаю, что значит быть не человеком, но стихией, и знание это использую – не сказать, что на полную катушку, а все-таки.

А больше ничего я рассказать о том периоде своей жизни не могу – ни вам, ни даже самому себе, и это мне не слишком нравится. Попробую объяснить почему.

Есть разные одиночества. Способов оставаться одиноким, мне кажется, гораздо больше, чем способов быть вместе с кем бы то ни было. Физическое одиночество человека, запертого в пустом помещении или, скажем, на необитаемом острове – далеко не самый интересный и совсем не безнадежный случай; многие люди считают, что это скорее благо, чем несчастье. Принято думать, будто такая позиция свидетельствует о мудрости, но, скорее, она – просто один из симптомов усталости. В любом случае физическое одиночество не предмет для разговора, с ним все более-менее понятно.

Одиночество, на которое я был обречен изначально, в силу обстоятельств рождения и воспитания, а потому привык к нему с детства и даже полюбил – это одиночество человека, который превосходит других. Когда-то оно делало мне честь и тешило мое высокомерие; эти времена давно миновали, но страдать от него я так и не выучился. Даже в те дни, когда внезапно обретенное могущество и безумие окончательно оградили меня от других людей, одиночество стало для меня источником силы, а не муки. Да что там, оно до сих пор скорее нравится мне, чем нет, поскольку высокомерие по-прежнему мне свойственно; другое дело, что я не даю себе воли – в этом и вообще ни в чем.

А бывает одиночество опыта. Когда человек, подобно мне, переживает уникальный опыт, о котором и рассказать-то толком невозможно, он волей-неволей оказывается в полной изоляции, среди абсолютно чужих существ, поскольку ощущение внутреннего родства с другим человеком приносит только общий опыт, по крайней мере, иных способов я не знаю. Думаю, всем присутствующим такая разновидность одиночества в той или иной мере знакома. Сказать по правде, справляться с этим мне до сих пор очень непросто – наверное, потому, что я пока не способен разделить собственный опыт с самим собой. Это не хорошо и не плохо, так – есть, это – моя жизнь, другой у меня нет и быть не может. И все это, конечно же, совершенно не относится к делу.

Итак, я каким-то образом был жив и, мягко говоря, не скучал. Тек как вода, пылал как огонь, существовал и действовал, не думая, не рассуждая и, увы, почти ничего не осознавая. Первые воспоминания о существе, в которое я превратился, смутные, разрозненные и невнятные, относятся уже к началу весны. То есть конец осени и зиму я провел, вовсе не приходя в сознание. Дальше, впрочем, было ненамного лучше. В городе меня прозвали Безумным Рыбником, и это много говорит о моем тогдашнем состоянии. В Смутные Времена в столице Соединенного Королевства надо было очень постараться, чтобы сойти за безумца. Все нормальные, я имею в виду, вменяемые и рассудительные люди к тому времени давным-давно покинули окрестности Ехо, за пределами которых жизнь оставалась более-менее спокойной и безопасной, благо вдалеке от Сердца Мира почти все наши грозные колдуны могли, разве что, кулачными боями развлекаться, да в приготовлении камры состязаться – у кого слаще, тот и герой.

Помню, что поначалу я совершенно не нуждался в отдыхе, еде и питье – тело мое, надо думать, приобрело совсем иную природу, родственную скорее демонам, чем людям. Единственная пища, которую оно иногда требовало – драгоценные камни. Я брал их всюду, где видел, сжимал в кулаках, и они в считанные минуты таяли в моих ладонях, а я после этого чувствовал себя сытым и довольным, почти успокоившимся – впрочем, всегда ненадолго.

Еще помню, что те дни мне очень нравилось внезапно исчезать и столь же внезапно появляться в самых неожиданных местах. Как я это проделывал – до сих пор не могу объяснить; могу лишь сказать, что к обычным перемещениям Темным Путем, которым я выучился несколько позже, эти мои исчезновения не имели никакого отношения. Они доставляли мне огромное удовольствие; плохо, что я почти не мог это контролировать. То есть захотеть исчезнуть и оказаться в каком-то определенном месте, а потом осуществить свое намерение мне иногда все-таки удавалось, но гораздо чаще это случалось само собой, совершенно помимо моей воли, порой далеко в не самый подходящий момент. Впрочем, радость, которую я испытывал в процессе, все искупала.

Были и другие вещи, которые чрезвычайно меня привлекали, – потому, думаю, и запомнились. Ярость испепеляла меня, и не было более радостного труда, чем ежедневные жертвы на ее алтарь. Убивать или просто мучить других людей – это было почти так же прекрасно, как возможность исчезать, и гораздо слаще, чем полеты над облаками, которые тоже казались мне весьма приятным времяпрепровождением. Любопытно, что масштабы насилия не имели

для меня значения. Напугав жалкого трактирщика, или убив дюжину человек, я испытывал одинаковое наслаждение. Думаю, это спасло очень много жизней – даже в те смутные дни мое высокомерие давало о себе знать, подсказывало, что убивать простых обывателей – мало чести, зато пугать их – милое дело. Напуганный человек обычно смешон, и это решало все – смех в ту пору доставлял мне неизъяснимое удовольствие. Позже я узнал, что люди часто хохочут не потому что им так уж весело, а именно от переизбытка силы – взять хотя бы Малое Тайное Сыскное Войско, где я состоял на службе больше десяти дюжин лет. С первого дня его создания на нашей половине Дома у Моста неизменно творился суший балаган, стены от хохота тряслись, а прохожие от окон шарахались, и причиной тому – из ряда вон выходящее личное могущество всех служащих, а вовсе не какое-то особенное, обостренное чувство юмора.

Вот и я в ту пору хохотал всласть, а волю своей кровожадности давал лишь при встрече с другими колдунами, к какому бы Ордену они не принадлежали. Некоторых я убивал, другие давали мне отпор, но большинству хватало ума просто обходить меня стороной, как бешеную собаку. Они, надо думать, были столь же брезгливы и высокомерны, как я сам, и справедливо полагали, что победа над безумцем не делает им большой чести, зато смерть от моей руки ничуть не менее окончательна, чем любой другой способ умереть. Собственно, именно поэтому мне удалось уцелеть – так-то вполне мог бы отыскаться какой-нибудь выдающийся Старший Магистр более-менее могущественного Ордена, способный быстро положить конец моим бесчинствам. По крайней мере, в потенциальном успехе адептов Ордена Водяной Вороны, или, скажем, Потаенной Травы, я по сей день ни на миг не сомневаюсь.

Но это самое простое, практическое объяснение. Впоследствии я много раз задавал себе вопрос: как мне, теоретически могущественному, но на деле совершенно не способному справиться с собственной силой юнцу, удалось выжить в разгар смутных Времен, когда для спасения шкуры требовалось помножить свое могущество на опыт, хитроумие и осторожность. И, думаю, я нашел ответ. Каждый человек диктует реальности свои представления о ней; другое дело, что почти никто этого не осознает и, уж тем более, не контролирует процесс. Легендарная удачливость дураков и безумцев – закономерное следствие этого правила. Я выжил в те дни только потому, что искренне полагал себя неуязвимым и бессмертным – теперь, задним числом, это мне совершенно ясно.

...Так прошло примерно два года. Время делало свое дело – то ли краденое могущество стало понемногу истощаться, то ли я приспособился к новому способу бытия – но я постепенно приходил в себя; как следствие, мои воспоминания о том периоде несколько более отчетливы. Неуправляемая стихия становилась чем-то вроде человека, по крайней мере, изредка ко мне возвращалась способность размышлять, а вместе с нею необходимость есть, пить и даже – о, ужас! – спать. Не могу сказать, что все это пошло мне на пользу.

Потребность во сне оказалась самой серьезной проблемой, поскольку контролировать сновидения я никогда не учился, а о древнем искусстве ставить свою Тень на страже в изголовье и вовсе не слышал. Таким образом, уснув, я делался уязвимым, как самый обычный человек. К тому времени я стал достаточно разумен, чтобы понимать: охотников избавиться от меня раз и навсегда, за деньги или ради собственного удовольствия, предостаточно, и не следует упрощать им эту задачу. Поэтому пришлось обзавестись доброй дюжиной укрытий и заботиться, чтобы о них никто не пронюхал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.